

МИХАЛ БОБЖИНЬСКИЙ

ПОЛЬСКИЙ ИСТОРИК, НАМЕСТНИК КОРОЛЕВСТВА
ГАЛИЦИИ И ЛОДОМЕРИИ В СОСТАВЕ АВСТРО-ВЕНГРИИ

ИСТОРИЯ ПОЛЬШИ

ОТ ЗАРОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА
ДО РАЗДЕЛОВ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

X—XVIII ВВ.

I

Михал Бобжиньский

**История Польши. Том I. От
зарождения государства
до разделов Речи
Посполитой. X–XVIII вв.**

«Центрполиграф»

1877

УДК 94(438)
ББК 63.3(4)

Бобжиньский М.

История Польши. Том I. От зарождения государства до разделов Речи Посполитой. X–XVIII вв. / М. Бобжиньский — «Центрполиграф», 1877

ISBN 978-5-227-10532-5

Первый том труда известного польского историка, а также наместника королевства Галиции и Лодомерии в составе Австро-Венгрии, посвящен изложению событий с момента зарождения польского государства до разделов Речи Посполитой в конце XVIII века. Анализируя архивные документы, критически осмысливая многочисленные работы других ученых, автор беспристрастно излагает исторические факты, давая возможность понять глубинные процессы, протекавшие в то время не только в Польше, но и во всей Европе, а также осознать причины многих событий сегодняшнего дня. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(438)

ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-227-10532-5

© Бобжиньский М., 1877

© Центрполиграф, 1877

Содержание

Введение	7
Глава I	7
Историческая школа Нарушевича	7
Историческая школа Лелевеля	9
Историческая школа современности	15
Глава II	20
Первый период	23
Второй период	25
Третий период	25
Глава III	28
Индоевропейские племена	28
Славяне	29
Русичи и болгары	30
Чехи	31
Глава IV	34
Территория	34
Хозяйство	34
Семейные, родовые и народные связи	35
Религия. Племена	36
Характеристика основных племен ⁸⁵	37
Возникновение польского государства	39
Первый период – с X века до середины XIII века. Первоначальная Польша	42
Глава V	42
Мешко I ⁹¹ (960–992). Принятие христианства	42
Болеслав I Храбрый ¹⁰⁰ (992–1025). Построение государства	44
Борьба с соседями	45
Устройство первоначального польского государства	48
Глава VI	54
Смерть Болеслава I Храброго	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Михал Бобжинский
История Польши. В 2 т. Т. I. От
зарождения государства до разделов
Речи Посполитой. X–XVIII вв
MICHAŁ BOBRZYŃSKI

DZIEJE POLSKI W ZARYSIE

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Перевод, «Центрполиграф», 2024

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2024

Введение

Глава I

О польской исторической науке и ее исследованиях

Историческая школа Нарушевича

Два предшествовавших нам поколения соорудили себе некий своеобразный образ нашей истории. Причем каждое из них создавало такое представление о прошлом Польши, на какое хватало его интеллектуальных и моральных ресурсов и какое отвечало его устремлениям и убеждениям.

Каждое из этих двух поколений имело свою историческую школу, работавшую с уверенностью в своей правоте, правильности применявшихся ею методов и выбранных направлений. И если для поколения времен Станислава¹, пережившего еще Великое Герцогство Варшавское² и Царство Польское³, такие методы и направления выработал Адам Нарушевич⁴, то для последующего поколения, отдавая должное романтическому направлению в политике и литературе, их разработал Иоахим Лелевель⁵.

Первым, кто нашу историю рассматривал в процессе ее развития на основе чужих исследований без самостоятельной обработки источников с начала XVI столетия, был Нарушевич (1733–1796). Его несомненной заслугой является уже то, что он обратился к источникам, вытаскивал их из забвения и именно на них основывал свой труд. В его произведениях четко просматривается попытка подняться до уровня критического анализа и определения истинной истории, очистив ее от нагромождавшихся веками ошибок и разных небылиц. Достойно, наконец, похвалы и то, что он обратил внимание на деяния народа внутри страны, на его социальные и политические учреждения.

Однако Нарушевич заслуживает и серьезной критики за отсутствие убежденности и точности. Так, утверждения историка XV века Длугоша⁶ служат ему основанием для вычеркивания исследователей времен династии Пяста, то есть более надежных источников, среди которых нельзя не упомянуть Галлуса⁷ и Кадлубека⁸. И сделано это только для опровержения утверждений Длугоша.

Нарушевич знаком лишь с малой частью источников, а те из них, которые были ему доступны, не имеют ни критически составленного текста, ни необходимых подготовительных разработок. Воспитанный на трудах римских историков и следующий по пути современной ему французской исторической школы, он также цепляется за голые факты, забывая об их внутренних причинно-следственных связях или их внешней образной стороне.

Историчность в его понимании служит лишь задаче описания крупных событий и деяний прошлого, а также напоминания о былой славе для пробуждения благородных чувств в народе. При этом основы исторических суждений, которые у Нарушевича местами все же отчетливо просматриваются (а именно в описании жизни Ходкевича⁹), строятся только на тех политических новостях, которые в силу своего высокого положения он смог практически усвоить. Не различает также первый наш историк разные эпохи исторического развития. Зато оценивает и описывает все несчастные случаи в современном ему обществе.

Тем не менее люди большой науки и настоящего таланта своими специальными трудами поддержали епископа Смоленского. В результате историк права Тадеуш Чацкий, историки

литературы Юзеф Оссолинский, Ежи Бандтке и Феликс Бентковский так и не смогли составить ни одного сводного очерка истории права или литературы, но зато собрали из рукописей огромный исходный материал и объяснили причины обширности таких сведений. А вот статистик Лаврентий Суrowецкий ввел в историческую науку более глубокие экономические понятия. Выдающиеся же археологи-любители, а также собиратели панславянской старины Ян Потоцкий и Адам Чарноцкий (известный в литературе под псевдонимом Зориан Доленги-Ходаковский) впервые изложили свои мысли по изучению славянских древностей.

Однако отрицательные стороны исследований Нарушевича, охватывающие только времена, относящиеся к периоду правления династии Пястов, нашли отражение и в трудах его преемников и последователей, которые решили довести начатое им дело до конца, не обладая при этом его талантом и трудолюбием. Не случайно ксендз В. Калинка¹⁰ отмечал: «В их трудах, написанных под впечатлением свежих несчастий, уже не было сердечного стремления показывать плохое и причины его возникновения, которые лежат в пороках наших. Они хотели, скорее, пропеть гимн, панегирик в честь прошлого».

Если Нарушевич в своей истории взял в качестве проводника Длугоша, то и Альбертранди¹¹, Голембиовский¹² и Немцевич¹³ почти раболепно придерживались того же Длугоша или Гейденштейна¹⁴, а Богомолец¹⁵, Краевский¹⁶ и Квятковский¹⁷ вообще переписывали живьем Гейденштейна или Коховского¹⁸, пренебрегая критикой и изучением источников.

Одновременно образовательная цель, стоявшая у Нарушевича на заднем плане, у его преемников стала выходить на передний план, сводясь к почитаемой декламации и фразеологии. При этом полностью игнорировалось правление обоих Сигизмундов Ягеллонов как эпоха религиозной Реформации. А ведь эта эпоха является для любого историка предметом весьма щекотливым, и не случайно при рассмотрении истории нашего упадка, начиная с конца XVII века, к ней обращались иностранцы, среди которых следует упомянуть Койра¹⁹, Сальванди²⁰, Рюльера²¹ и Феррана²².

В те времена Ежи Бандтке²³, получивший образование в немецкой школе, написал учебник по польской истории²⁴, но его далеко обогнали по популярности «Исторические думы» Юлиана Немцевича²⁵, представлявшие собой своего рода поэтическую хрестоматию по польской истории, понимаемой со стороны исключительно декоративно и морально. Эта книжечка раскупалась практически нарасхват.

В результате украшательство и морализация стали вытеснять беспристрастный исторический анализ и правду истории, которые уступили место бесчисленному множеству исторических драм и эпопей, открываемых нам через дошедшую до нас псевдоклассическую поэзию. Мы воспаряли над большими событиями прошлого, искали в нем преимущественно отдельных королей, гетманов, епископов, поднимали их на искусственный пьедестал величия, как в злых, так и в добрых делах. Одних мы любили и боготворили, других осыпали проклятиями, уважая главным образом исторические традиции, связанные с той или иной исторической личностью. И горе было тому историку, который, хотя и с документами в руках, эту традицию пытался переменить или, что еще хуже, очернить.

Не осознавалось и значение великих переворотов, служивших своеобразными социальными и политическими вратами, сквозь которые проходил народ, и все его деяния освещались только светом XVIII века. История же Польши была механически поделена на три периода: пястовский, ягеллонский и выборной монархии. Всю же вину за несчастья и падения возложили на плечи отдельных козлов отпущения: представителей рода Кмитов, на Зебжидовского, Радзиевского, иезуитов, Тарговицкую конфедерацию²⁶, а всякое более глубокое понятие о вещах, выявление общих национальных пороков считалось бесчестием собственного гнезда и кошунством.

Ниже приводятся краткие сведения, восполняющие пробелы в библиографическом перечне и представляющие собой наиболее важные труды, которые нам оставила школа Нарушевича и его последователей:

- Нарушевич Адам (1733–1796):

«История польского народа» (адресованная Владиславу Ягайло): В 6 т. (со 2-го по 7-й), Варшава, 1780–1786 и 1803; издание второе, 1803–1804; издание третье, Липск, 1836–1837; издание четвертое, Краков, 1859–1860. Первый том не завершен и охватывает времена язычества, издан в Варшаве в 1824 году;

«История Яна Кароля Ходкевича», том 2, Варшава, 1781, 1805, второе издание, Липск, 1837, третье издание, Краков, 1858.

- Потоцкий Ян (1761–1816):

«Летописи, мемуары и искания для служения истории всех славянских народов», Варшава, 1793;

«Эссе по всеобщей истории и исследованиям Сарматии», том 4, Варшава, 1789–1792;

«Историко-географические фрагменты о Скифии, Сарматии и славянах», том 4, Брауншвейг, 1796;

«Первобытная история народов России», Петербург, 1802.

- Суровецкий Лаврентий (1769–1827):

«Исследование начала народов славянских» (Ежегодник Варшавского общества любителей наук, том 17), Варшава, 1824.

- Доленга-Ходаковский Зориан (настоящее имя Адам Черноцкий (1784–1825):

«О славянщине до христианства», Краков, 1835.

- Нарбут Матфей Теодор (Феодор Ефимович) (1784–1864):

«История литовского народа» в 9 томах, Вильно, 1835–1841.

- Свенцицкий Фома (1774–1837):

«Описание древней Польши» в 2 томах, Варшава, 1816 и 1828 годы, второе издание Краков, 1861.

- Чацкий Тадеуш (1755–1813):

«Собрание трудов», 3-й том, Познань, 1843–1845 (1-й и 2-й том посвящены литовским и польским законам, три трактата);

«О литовских и польских законах». В 2 т. Варшава, 1800–1801, второе издание Познань, 1843, третье издание 1861;

«Трактат о евреях», Вильно, 1807, второе издание Краков, 1860.

- Бентковский Феликс (1781–1852):

«История польской литературы» в 2 томах, Варшава, 1814.

- Оссолинский Иосиф-Максимилиан (1748–1826):

«Исторический критический вестник по истории польской литературы», в 3 томах, Краков, 1819–1822, 4-й том, Львов, 1852.

Историческая школа Лелевеля

Из прокрустова ложа пагубной заскорузлости и неглубоких рассуждений, в которое попали преемники Нарушевича, нашу историческую науку вырвал только Иоахим Лелевель (1786–1861).

Наш народ, морально оздоровившись под влиянием разделов и обретя в себе любовь к общественному благу, должен был сам себе задать вопрос, почему и теперь вся его деятельность заканчивается новыми поражениями? А чтобы на него ответить, ему необходимо было внимательно посмотреть на самого себя и поискать в своих прошлых поступках наряду со сви-

детельствами упадка морали еще и другие пороки и грехи, от которых он еще не излечился и которые, тяготея над ним, мешают всей его текущей деятельности.

Вот в этих новых исследованиях руководителем как раз и выступил Лелевель. Отказавшись и даже совсем пренебрегая образностью в историографии, опираясь на первоисточники, он извлек из них много новых фактов, проработал их критически и оценил имевшиеся в них взаимосвязи. Основываясь на этом, Лелевель своим глубоким умом проник в тонкости нашего социального и политического развития, затронул огромное количество важнейших вопросов, а пытаясь состыковать их и найти безотлагательное решение, построил новое здание нашей истории.

Все его подробные исследования и труды, составившие двадцать томов издания Жупанского (серия «Польша, история и дела ее», Познань, 1854–1868), находят свое окончательное выражение в двух дополняющих друг друга произведениях:

«История Польши, обращение к сыновьям», Варшава, 1829 год, приумноженное в дальнейших выпусках 1830, 1837, 1843, 1845, 1849 (два), 1852, 1853, 1856, 1859 (два), 1863 годов, а также во 2-м томе коллективного издания 1859 года;

«Заметки об истории Польши и ее народе», вышедшие сначала на французском языке в Париже и Лилле в 1844 году, а затем на польском языке в 3-м томе коллективного издания в Познани в 1855 году.

Обобщенная в них историческая точка зрения Лелевеля заключается в постановке перед нашим народом определенного постоянного, неизменного условия, которым является наличие социальных и политических свобод, и формулы, гласящей, что если нация к этому условию приближается, то в таком случае она развивается, а по мере отдаления от него – приходит в упадок.

В польской истории оно воплотилось в жизнь во всей своей красе только один раз, а именно в славянской общине. Причем хранителями этого условия стали первые Болеславы. Во втором же периоде, продолжавшемся в 1139–1374 годах, уничтожение свобод народа и княжеской власти вельможами спровоцировало упадок. И только в третьем периоде гражданский дух наиболее знатной части народа вновь усилился, власть вельмож была свергнута, а образ дворянского сословия заиграл во всем своем величии.

Однако муниципалитеты не смогли выполнить поставленную перед ними задачу, сельский люд до свобод не был допущен, а форма республиканского правления в жизнь в полной мере оказалась не воплощенной. Более того, начиная с 1607 года она стала загнивать изнутри и терять свои позиции, что и привело, в конечном счете, к очередному упадку. Отсюда напрашивался вывод, что только возвращение к общине, то есть к свободе сельского люда и к республиканскому правлению, может вывести народ из упадка. Однако совсем не надо знать польскую историю, чтобы, прочитав такой вывод, сказать, что подобное утверждение априори слишком сложно, а исторические факты специально подогнаны так, чтобы можно было толковать их в свою пользу.

В изложении истории Лелевелем несложно также увидеть и отражение той умозрительной философии, которая с началом того века по образцу Гегеля, Роттека²⁷ и Гизо²⁸ использовала исторические факты и злоупотребляла ими для инсценировки своих расчетных систем и которая начиналась с историософии²⁹, а не заканчивалась на ней. Такой философский взгляд, составленный заранее и более или менее точно отражавший детали, служил единственной основой для выбора, спецификации и оценивания исторических фактов. И хотя он отчасти и приближался к истине, а основывавшиеся на нем исследования имели свои определенные достоинства, все это не могло уравновесить ошибок историка, который, в конечном счете, становился слугой некоего произвольно сформированного взгляда, где история должна была служить лишь доказательством делаемых суждений и не обладала необходимой самобытностью.

Такое ошибочное направление натолкнулось на Западе на определенное ограничение. Ведь там, в основном под опекой и за счет пожертвований правителей, издавалось немало источников, содержащих множество деталей и фактов. А ведь чем больше становится известно фактов, тем, конечно, труднее их подогнать к какому-то мнению. Одно это предполагает, что точка зрения исследователя должна быть глубже и менее односторонней. Кроме того, на Западе тоже были занимавшиеся историческими исследованиями люди, имевшие возможность получить профессиональное образование и которым многочисленные научные учреждения, а также научные сборники позволяли получать широкие сведения, выработать у себя трезвое и критическое мышление.

У нас же всего этого не было. Издание источников находилось в зачаточном состоянии, и лишь время от времени стараниями частных лиц выходил в свет какой-либо мелкий сборник. Знание фактов отсутствовало, и все это к тому же наблюдалось на фоне развивающейся историософии. Вместе с тем исторические исследования не приносили достаточных средств для существования, и люди практического склада их гнушались. Поэтому работой над историей занимались сплошь и рядом одни дилетанты, у которых было больше энтузиазма и даже таланта, чем навыков настоящих ученых.

Польские историки считали наличие у себя политических навыков вещью чуждой и при таких взглядах допускали грубые ошибки. А если ко всему этому добавить, что наши политические отношения тоже оказали влияние на историографию, что развившаяся до высокой степени политическая горячка отразилась на всех исторических исследованиях, то можно легко понять, почему в нашей историографии спекулятивное направление так глубоко укоренилось и господствует на этой ниве дольше, чем где-либо еще.

Читая труды, раскрывающие взгляды Лелевеля, сегодня мы не перестаем удивляться, как можно было допустить подобные искажения и ошибки? Постоянно слыша о поднимающей голову свободе, мы удивляемся, как можно было упустить из виду второе условие здорового развития любого народа, а именно силу и гибкость его государственной власти? Непонятно также, как можно было сделать развитие и упадок нации зависимыми от муниципалитета, то есть от одной формы правления, вещи, которую каждый народ по мере своего развития обязательно преобразует и меняет?

Тем не менее Лелевель втиснул в такую республиканскую форму все наше прошлое, поскольку от охватившей его под живым еще впечатлением от Французской революции политической лихорадки он не стал заниматься поиском квалифицированных сведений о необходимых основах любого общественного и государственного строя. В результате при сугубо доктринерском подходе к делу он идеализировал пагубные законы второй половины XVI века, не обращая внимания на их последствия, а также наступившую вследствие них анархию и считая за преступление любые последующие попытки, направленные на нарушение этой «золотой свободы».

Сегодня нам остается лишь удивляться, как смог Лелевель найти муниципалитеты во времена правления первых Болеславов, на что в наших источниках нет ни малейшего намека. Как он мог утверждать, что положение сельских жителей у нас в XIII веке ухудшилось, когда оно вследствие предоставления общинам самоуправления заметно улучшилось? Как он мог верить, что польская шляхта (дворянство) правила на сеймах уже в XIV и XV веках, когда об этом не говорится ни в одном из источников?

Все это так, однако следует учитывать, что Лелевель не мог пользоваться большинством источников, доступных нам сегодня. Неизвестен был ему и критический анализ этих источников, который не позволил бы Лелевелю нагромоздить факты в угоду излюбленной теории. Осознав это, мы перестанем удивляться и поймем, что им двигали благородные помыслы, характеризующие редкой силой мысли, что он позвал за собой целый ряд людей, которые в тех же условиях всецело отдали себя исследованию истории.

Как бы то ни было, принципиальная ошибка всего лелевельского взгляда на историю ярко проявилась в логических результатах. Построенная им на основе муниципальной теории история Польши не совмещается с историей других союзных с ней государств и народов, которые, воспитавшись на абсолютизме, строят свое величие, опираясь на силу собственных правительств. Таким образом, чтобы все умопостроение Лелевеля не обрушилось, это противоречие следовало обязательно устранить. И это, к его собственному удовлетворению, было сделано, но каким образом!

Польский народ и его прошлое были выведены из поля общих прав, которыми в своем развитии руководствуются другие народы, а самому ему отведена исключительная роль проводника гуманности в человеческое общество, и для осуществления этой миссии разрешалось существовать без уважения власти и закона, без армии и налогов. От других же народов требовалось, чтобы они каялись перед избранной нацией, оставляя в стороне собственные выгоды и интересы. Это был уже полный бред. Однако этот бред, привнесенный на крыльях поэзии, в некоторых, правда, очень болезненных моментах, через которые мы проходили в XIX веке, стал практически повсеместным и был доведен до восприятия польского себя как «Христа среди народов» (польский мессианизм).

Это последнее слово школы Лелевеля начало противоречить ее первоначальным утверждениям – желание познать пороки и недостатки привело ее к собственному возвеличиванию. И если школа Нарушевича, глядя на упадок Польши собственными глазами, покрывала его только молчанием, то школа Лелевеля оправдывала его, а всю вину за обрушившиеся на поляков несчастья сваливала на чужаков.

Однако не все историки – современники Лелевеля, на которых влияли его утверждения, стали с тем же рвением развивать его историософичную теорию. Многие, отодвигая на второй план его принципиальную точку зрения, работали над расширением фактических сведений, другие же открыто выступили против взгляда Лелевеля на историю.

Тем не менее библиография исторической школы Лелевеля выросла до больших размеров, и ниже стоит перечислить ее самые важные труды:

- Лелевель Иоахим (1786–1861):

«История Польши, рассказанная разговорным способом», Варшава, 1829. Дальнейшие выпуски: 1830, 1837, 1843, 1845, 1849 (два), 1852, 1853, 1856, 1859 (два), 1863 (коллективное изд., т. 2. Познань, 1859);

«Заметки по истории Польши и ее народа», 3-й том коллективного издания, Познань, 1855 (перевод с французского оригинала, Лилль, 1844);

«История Польши до конца правления Стефана Батория», Познань, 1863 (13-й том коллективного издания);

«История Литвы и Руси до унии с Польшей в Люблине», Париж, 1839; 2-е издание Познань, 1844 год, том пятый, коллективное издание Познань, 1863.

- Ходзько Леонард (1800–1871):

«Польша историческая, литературная, монументальная и иллюстрированная», том 2, Париж, 1835–1842, восемь изданий.

- Мицкевич Адам (1798–1855):

«Народная история Польши», Париж, 1876;

«История Польши в основных ее очерках с примечаниями и предисловием Вл. Мицкевича», Париж, 1861;

Всеобщая энциклопедия: издательство Оргельбранда, 28 томов, Варшава, 1859–1868. В расположенных в алфавитном порядке статьях содержит всю польскую историю литературы в основном Юлиана Бартошевича и М. Собещанского;

«Курс славянской литературы», в 4 томах, Париж, 1841–1844.

- Ярошевич Иосиф (Осип) (1793–1860):

«Облик Литвы с точки зрения ее цивилизации до конца XVIII века». В 3 томах, Вильно, 1844–1845.

- Балинский Михаил (1794–1864) и Липинский Тимотеуш (1797–1856):

«Древняя Польша в историческом, географическом и статистическом отношении». В 3 томах и 4 частях, Варшава, 1843–1850.

- Мацевский Вацлав Александр (1792–1883):

«История славянского законодательства». В 4 томах, Варшава, 1832–1835, издание 2-е в 6 томах, Варшава, 1856–1868.

- Гофман Кароль (1798–1875):

«Картина управления и правоповедения в старой Польше» («Познаньский обзор», 1847–1849);

«История политических реформ в старой Польше», Липск, 2-е издание, Познань, 1869.

- Лукашевич Леслав:

«Очерк истории польской письменности», Краков, 1836, дальнейшие издания в 1838, 1848, 1851, 1856, 1858, 1859, 1860, 1861, 1864, 1866 годах.

- Вишневицкий Михаил (1794–1865):

«История польской литературы» в 10 томах (доведена до середины XVII века). Краков, 1840–1852.

- Лукашевич Юзеф (1799–1873):

«История школы в Королевстве и Великом княжестве Литовском с древнейших времен и до 1794 года», в 4 томах, Познань, 1849–1852.

- Шайноха Кароль (1818–1868):

«Исторические очерки», в 3 томах, Львов, 1854–1869;

«Произведения», в 10 томах, Варшава, 1876–1878.

- Бартошевич Юлиан (1821–1870):

«Произведения», вышедшие с 1876 года в Кракове.

- Семеньский Люциан (1809–1877):

«Литературные портреты», в 4 томах (1865–1875 годы, с XVI по XIX века).

- Крашевский Юзеф Игнацы (1812–1887):

«Литературные исследования», Вильно, 1842;

«Новые исследования», Вильно, 1843.

- Сенкевич Ян Кароль (1792–1860):

«Сочинения, исторические и политические труды», Париж, 1862.

- Пршездецкий Александр (1814–1871):

«Польские Ягеллонки XVI века», в 4 томах, Краков, 1868.

- Калицкий Бернард:

«Исторические очерки», Львов, 1869.

Таким образом, почти все направления нашего исторического развития представлены в лелевельской школе обширными и многократными исследованиями. Однако можно ли в таком ключе говорить о школе Лелевеля, вернее, причислять к ней всех вышеперечисленных авторов?³⁰

Чтобы ответить на этот вопрос, следует заметить, что в исторической школе Лелевеля мы можем найти лишь несколько принадлежащих непосредственно ему, хотя и явно ошибочных утверждений. Ее отличает практически отсутствие критики и исследований источников, а также все более развивающаяся историософия, что ярко проявляется у ее последователей – Морачевского³¹, Шмитта³² и Короновича.

Над ними возвышаются труды Яроховского³³, хотя первые его сочинения тоже относятся к этой школе. А вот Мацевский³⁴, несомненно, расширил точку зрения Лелевеля, хотя и опи-

рался на него. Однако по уровню критики, направлению своих исследований, способу их аргументации и форме изложения, несмотря на прямое воспроизведение Лелевеля, он стоит ниже его.

Такое подражание не свойственно другим, более молодым историкам и писателям – современникам Лелевеля, среди которых заслуживают упоминания самые выдающиеся – Кароль Шайноха, Януш Вишневский, Юзеф Лукашевич и Юлиан Бартошевич. Они нашли себе новое поле для исследований, занимались поиском неизвестных источников и сами создавали форму изложения своих научных результатов. В этом плане достаточно упомянуть мастерское изложение материала Шайнохой.

Им было не занимать таланта и работоспособности. А так как они, хотя и как соратники Лелевеля, создали, по сути, новую школу, то возникает вопрос – не утонули ли они в тени этого титана нашей историографии первой половины XIX века?

Ведь ни один из них не продвинулся дальше критики источников. Каждый, насколько был способен, лишь воспринимал выводы «Истории Польши Средних веков» (достаточно вспомнить произведение Шайнохи «Ядвига и Ягйло»), нередко меняя эти выводы на худшие. Ни один из них не выступил против господствовавших в то время взглядов Лелевеля и не отважился по-новому взглянуть на его главные положения, не обратился к первоисточникам и не занялся детальным разбором тех вопросов и мест в истории, от которых зависит представление о происходящем.

Вследствие вышесказанного в их трудах наблюдается меньше историософских построений. Но разве от этого стало меньше лести национальному тщеславию у Вишневского или рыцарской нежности, когда речь заходила о Ядвиге или Барбаре? Разве меньше начали применяться приемы фантастической поэзии, когда писали о Владиславе IV?³⁵

Что же можно сказать о тех историках, которые прямо и открыто выступали против мнения Лелевеля? Сенкевич воевал с ним скорее на поле публицистики в защиту монархических правил, а не по вопросам коренных, исторических исследований. Кароль Гофман, который раньше других расстался с теорией, отстаивавшей необходимость установления власти муниципалитетов, и признавал важность сильного центрального правительства, опять же, имел в виду только республику и монархию, совершенно забывая об обществе и видя причину упадка Польши в расстройстве абсолютистского болеславовского правления.

По стопам последнего пошли Дзедушицкий, Валевский и Моравский, которые, однако, придали его взглядам новый, католический подход, приписывая все, что было хорошего в Польше, католицизму или даже, как Валевский, цезаропапизму³⁶. Объясняя упадок Польши отступлением от католических принципов, эти историки снова создали историософскую формулу, которая по своей односторонности намного превосходила формулу Лелевеля и в которую они втиснули нашу историю, открыто перекраивая источники. Произведения Дзедушицкого и Валевского полны ранее неизвестными подробностями. При этом образы Збигнева Олесницкого³⁷, представляемого ими как защитник папской власти, и Скарги³⁸, ругаемого за отсутствие толерантности, получились довольно карикатурными. О странностях же Валевского вообще излишне вспоминать.

Эти писатели боролись с Лелевелем, но его же оружием. Причем сражались хуже всех. В целом же своими методами работы от школы Лелевеля они ничем не отличались, и поэтому их следует отнести именно к ней.

Следует только удивляться тому большому количеству трудов, которые школа Лелевеля посвятила изучению нашего прошлого. Необходимо также отметить мастерское изображение материала Шайнохой, настоящую эрудицию у Вишневского, Бартошевича и Лукашевича, отображение на основе источников дипломатических отношений Польши Валевским.

Вместе с тем если задаться вопросом, что же является для нас настоящим плодом их таланта и труда, то мы с грустью увидим, что без ответа осталось много уже поднятых нами вопросов, а решенными – совсем мало! Предвзятость и отсутствие строгого метода исследования – повторяем это еще раз – не дали школе Лелевеля приблизиться к подлинной сути нашей истории.

Тогда же нашей историей стало заниматься все больше и больше сторонних ученых. В частности, над историей Силезии, Пруссии и Ливонии издавна трудились немцы, а над историей Литвы и Руси – русские. Причем и те и другие пользовались ревностной поддержкой своих правительств, что выражалось в издании наших исторических источников, о которых довольно много говорилось в различных сборниках. И хотя те труды нередко оказывались довольно тенденциозными, та широкая источниковая база, на которую они опирались, придавала им более прочное значение.

Среди этих сторонних ученых, наряду со многими посредственностями, было и немало людей, наделенных талантом, пользовавшихся новыми методами исследования, отличавшихся усердием и возвышавшихся над тесным кругом национальных предрассудков и интересов. Так, в нашей истории очень хорошо разбирались Сергей Михайлович Соловьев, Николай Иванович Костомаров, австрийский историк Адольф Беер, описавшие историю падения Польши, а также немецкие историки Рихард Роепель, Георг Фогт, Кольмар Грюнгаген, Яков Каро, Генрих Цейсберг, занимавшиеся польским Средневековьем. При этом, когда чужеземные историки отзывались о наших ученых с некоторым чувством превосходства, мы вместо того, чтобы эффективно состязаться с ними в том, чтобы сказать последнее научное слово о нашем прошлом, отвечали им порой хвастливым бахвальством и не извлекали из иностранных работ ни малейшей пользы.

Правда, в оправдание такого печального состояния дел следует сказать о наличии в те времена немалого числа политических происшествий. Тем не менее для нас тогда настал последний срок, чтобы прийти в себя и начать уже на лучшей Источниковой базе новое исследование нашего прошлого, чтобы не дать чужакам себя осилить и не смотреть на свое прошлое глазами посторонних, а именно немцев.

Историческая школа современности

После новых тяжелых переживаний наше общество окончательно утратило веру в те историософские взгляды, которыми оно довольствовалось до той поры. Читая описания самых великих деяний, которыми изобиловала наша история, переворачивая страницы карт, на которых отображены великие победы польского оружия, и слушая историков, рассказывавших об исключительных политических достоинствах нашего отечества, поколение, у которого после поражения последнего восстания проснулось стремление к усердному труду, спросило себя, почему все это не привело поляков туда, где находятся другие дружественные им народы? У него возникло убеждение, что история Польши до сих пор является одной сплошной неразгаданной загадкой. Исследовать историю, найти в ней не искусственный плод воспаленного воображения и возбужденных чувств, а сокровищницу опыта, энергии и труда – вот что стало теперь настойчивым и всеобщим стремлением.

Первым признаком появления нового направления в исследованиях истории стало критическое осмысление исторической школы Лелевеля и достигнутых ею результатов. Эта критика не носила огульно отрицательного характера, поскольку пренебрегать и презирать тот великий труд, который с огромным талантом проделала эта школа, никому и в голову не приходило. Однако, признавая значимость работы предшественников, стараясь усвоить и применить их существенные результаты, следовало предъявить к историческим исследованиям более

жесткие требования, поставить их на более широкую основу и кардинально изменить точку зрения.

Первостепенное значение приобрело издание исторических источников. Поэтому открылись закрытые до того времени архивы, нашлись щедрые средства и стал применяться по немецкому образцу метод обработки и выпуска в свет первоисточников. Издательская работа, объединяя вокруг себя лучшие молодые силы, получила горячую поддержку серьезных учреждений, таких как Польская академия знаний в Кракове, Общество друзей наук в Познани, Институт Оссолинских и Национальный факультет во Львове, Издательство исторических источников в Варшаве, Курницкая библиотека графов Дзялынских и Библиотека Красинских, что позволило продвинуться далеко вперед в этом вопросе. В дополнение к выпускам Беловского издательства «Памятники исторической Польши» были изданы ежегодники, средневековые хроники и завершающие их произведения Длугоша. Кроме того, из архивов извлекли и опубликовали большое число средневековых законов, дипломатических и судебных документов, писем XV столетия, а также политических трактатов, в результате чего неизвестных источников Средних веков осталось совсем мало. И в целом потребовался поистине титанический труд, чтобы восстановить, исследовать и объяснить текст каждого из этих источников.

Гораздо меньше было сделано в области издания источников нашей истории начиная с XVI века. Из каждого ее отрезка имелось только начало. В частности, из труда профессора Освальда Бальцера³⁹ стали известны документы дипломатической переписки времен Сигизмунда Старого и Августа. Были опубликованы также законы и постановления «Свода правовых норм» 1507–1526 годов, записи польского сейма времен Сигизмунда Августа и последующих налоговых актов времен Стефана Батория, люстрации⁴⁰, а также описи некоторых товаров, несколько дневников и так далее. Правда, все это еще предстояло обработать. К тому же объем источников, особенно дипломатической переписки, оказался настолько большим, что об их публикации в полной мере не могло быть и речи и историку приходилось черпать знания непосредственно из архивов.

Получив в свое распоряжение заметно увеличившийся в объеме исходный материал, историки могли уже заниматься подробными исследованиями и констатацией фактов там, где их предшественники, строя свои шаткие гипотезы, были вынуждены остановиться. Кроме того, взяв на вооружение строгие университетские методы исследования, разработанные на Западе в середине того века, они, опираясь на их более прочную основу, не только значительно облегчили свою работу, но и провели ее под углом истинной критики.

Однако ни глубокой критики, ни выросшего объема материала, ни вообще оживившегося движения за изучение истории было недостаточно для того, чтобы все это могло претендовать на название новой исторической школы. Для этого необходимо было кардинально изменить направление и сам дух работы историка, выработать новые общие основы исторических оценок, одинаково взглянуть на понятие, задачу и позицию историчности.

Нашлись и люди, которые смогли освободиться из плена прежних понятий, вознестись на новую позицию и увлечь своим примером молодое поколение историков.

Таковыми были Юзеф Шуйский⁴¹ и преподобный Валериан Калинка. Так, Шуйский в первых двух томах «Истории Польши» (Львов, 1862, 1863), созданных на основе уже существовавших исследований (сегодня полностью устаревших), и последовавших других двух томах, вышедших в 1864 и 1866 годах, поднялся до уровня самостоятельного изучения и изложения собственных взглядов. Трактат же Шуйского «Фальшивая история порождает фальшивую политику» (Польский обзор. Краков, 1877) выявил взаимозависимость политики и истории. А труд Калинки «Последние годы правления Станислава Августа», вышедший в 1868 году вместе с великолепным предисловием о задаче историографии и содержащий широкий взгляд

на правление Станислава Августа, свидетельствовал о решительном повороте в исторических исследованиях в сторону голой исторической правды.

За этим последовали и другие, а появление моего труда в 1877 году вообще побудило историков к широкой дискуссии по вопросу, касающемуся основ и условий работы с историографией. В ходе этой дискуссии многое удалось прояснить и исправить. Поэтому мы тоже можем говорить о новой исторической школе, если, конечно, наши историки согласятся на следующее:

1) что им не позволяется использовать историю для оправдания какой-либо заранее составленной системы или доктрины, а также любого политического направления. История должна сама по себе и верно отражать картину жизни народа во всем его развитии и во всех исторических проявлениях;

2) что надо обязательно порвать с довольно распространенными до сих пор лозунгами такого рода, как «разоблачение обнаженной истины вызовет ненависть к нам у иностранцев, оправдает нанесенный нам вред, отвратит нашу молодежь от нашего прошлого и традиций, а нас самих лишит радости от дальнейшей работы!». Такие никуда не годные и полностью ошибочные взгляды не должны перечеркивать историческую правду. Ведь только голая, ничем не заслоненная истина позволяет благотворно воздействовать на общество, стать для него и науки здоровой пищей, наполнить историков рвением к работе и мужской энергией;

3) что для отбора, сопоставления и оценки фактов недостаточно ни прихоти историка, ни его художественного чутья, ни вольных политических сообщений, почерпнутых из случайного чтения или практического опыта. Основой исторических суждений может и должно быть только основательное знание социальных и политических процессов в самом широком смысле этого слова.

Работа, строящаяся на этой основе, отдавая дань правде, должна была занять критическую позицию в отношении симптомов упадка Польши и не отступать перед суждением, что исходные причины этого падения следует искать в нас самих, если вследствие отсутствия у нас сильного правительства мы не сопротивлялись внешнему насилию. Однако наше общество, воспитанное на прославлении собственного прошлого романтической поэзией, которая и служила ему историей, не могло легко и сразу прозреть и принять такое умозаключение.

Одна публицистическая фракция воспользовалась этим и попыталась на таком поклоне основать свою политику и снискать себе тем самым легкую популярность. В этом ключе появлялись многочисленные статьи, диссертации и даже произведения, которые, однако, не оказали существенного влияния на работу историков.

Это направление поддержали далеко не все ученые. За ним пошел, в частности, Смоленский⁴² со своим трактатом «Исторические школы в Польше», опубликованным в журнале «Атенеум» в 1886 году и варшавском издании 1898 года с предисловием Рембовского. Он оперировал материалами противников и не отличился собственными исследованиями внутренних отношений в польской истории. Затем на съезде историков в 1890 году довольно громким стало выступление Корзона⁴³, который, критикуя новую школу как «краковскую», выступил против постулата о том, что история является «учителем жизни», и обрушился на субъективизм в историографии. Ему оппонировал Бальцер. Позже же Корзон, с головой погружившийся в исторические исследования, стал одним из виднейших представителей новой школы и приверженцем сложившихся в ней взглядов.

Однако под влиянием начавшейся мировой войны и восстановления Польши над всей исторической работой нависла большая опасность, когда некоторые историки вознамерились потребовать пересмотра истории и причин упадка Польши⁴⁴. К предмету актуальности данного вопроса мы еще вернемся в заключительных замечаниях данной книги.

Плодом труда историков за прошедшую половину столетия стало большое количество диссертаций и монографий, многие из которых не выходят за рамки изложения деталей. Однако в некоторых из них подняты достаточно важные вопросы и проливается свет на связанные с ними исторические свершения. И все же готовых законченных разработок больших исторических отрезков еще недостаточно.

Тем не менее большая заслуга проделанной работы заключается в том, что она, не ограничиваясь одной лишь политической историей, охватила поистине умелым изучением все другие стороны жизни и развития народа. Так, неожиданные результаты были достигнуты после обращения к изучению государственного и общественного устройства. Кроме того, стали исследоваться законы, государственные финансы и экономические отношения, не говоря уже об истории церкви, открылись работы по военной истории, достигнуты, возможно, величайшие научные достижения в истории литературы, начались плодотворные исследования в области археологии и истории искусства. Причем число ученых, участвовавших в этой работе, оказалось настолько велико, а количество трудов и диссертаций – таким большим, что даже самое короткое их перечисление превысило бы размеры этой книги. Поэтому в данном труде мы приводим только самые выдающиеся и последние работы из общей истории, отсылая читателя к «Библиографии истории Польши» доктора Людвика Финкеля⁴⁵ в трех частях (Краков, 1891–1906. Дополнительный выпуск в 1914 г.). Более позднюю библиографию можно найти в ежеквартальном историческом журнале «Квартальник хисторичны»⁴⁶.

Когда-то все отдельные ветви нашего исторического знания сливались в единое целое истории народа, но сегодня до этого еще далеко. Поэтому нам следует только приветствовать, что Академия знаний, издавая энциклопедии, взяла на себя задачу представления результатов научных исследований в области нашей истории, привлекая к этому исследователей, ведущих изыскания во всех направлениях. Однако вследствие перерыва, вызванного войной, вышла лишь часть сочинений, на основе которых была создана «Политическая история Польши», изданная в двух томах в 1920 и 1923 годах. Этот труд, как плод работы девяти историков, а именно – Станислава Закшевского, Захоровского, Галецкого, Домбровского, Смолки, Папеэга, Собеского, Краевского и Конопчинского, выходит за рамки доклада о достигнутых результатах, обогащая его новыми исследованиями. Поэтому нам больше не нужно было прибегать к истории, которую написали Роупелл Каро и Зивье.

Слабой стороной вышеназванного труда является его общий генезис. Правда, авторы старались избежать слишком явных противоречий. Имеющийся в нем справочник, конечно, пытается дать экскурс в нашу историю, но она в этом произведении постоянно меняется, и читатель это ощущает, с трудом находя цельность в развитии Польши.

Не завершена, к сожалению, также программа энциклопедии, включающая в себя отдельные разработки партикулярной истории (истории отдельных государств). Вышло только произведение Александра Валериана Яблоновского «История Южной Руси до краха польской Речи Посполитой», Краков, 1912.

Впрочем, эта история в последнее время нашла развитие у русской стороны в обширном труде Михаила Грушевского «История Украины-Руси»⁴⁷ (Львов, 1898 и последующие).

Из произведений, раскрывающих определенные отрасли нашего развития в их общем историческом процессе, далее перечислить следует:

Помимо монументального труда «История польской литературы» Станислава Тарновского⁴⁸, изданного в Кракове в 1900 году, «Очерка истории польской литературы» Александра Брюкнера⁴⁹ (т. 1. Варшава, 1902, 3-е издание в 1921 году), содержащих наибольший исторический материал, необходимо отметить:

- Владислава Лозинского (1843–1913):
«Поляки в древние времена», Львов, 1907, 3-е издание в 1912 году.

- Яна Рутковского (1886–1949):
«Очерк экономической истории Польши», Познань, 1923.
- Станистава Кутшебу (1876–1946):
«История устройства польского в очерке», Львов, 1905, 6-е издание в 1925 году.
- Пшемислава Домбковского (1877–1950):
«Польское частное право» в 2 томах, Львов, 1910 и 1911.
- Юлиана Макаревича (1872–1955):
«Польское уголовное право», Львов, 1919.
- Константы Гурского (1862–1909):
«История польской пехоты», Краков, 1893;
«История польской кавалерии», Краков, 1894, 2-е издание в 1895 году.
- Тадеуша Корзона (1839–1918):
«История войн и военного дела в Польше», том 1 и 2;
«Эпоха до раздела Польши», том 3.

Окончание эпохи до раздела Польши и эпоха после ее раздела. Разделы об армии и вооружении, а также об эпохе после раздела Польши обработал Бронислав Гембажевский⁵⁰, Краков, 1912.

- «История средневековой Польши» (1-й том написан Романом Гродецким и Станиславом Захоровским, 2-й том – Яном Домбровским, Краков, 1926).

Глава II

Периоды польской истории

История Польши – это не только исторические факты, но и образ жизни нашего народа во всем его проявлении на протяжении всего существования. Однако в стремлении сделать изображение этого образа выразительным и понятным история не должна довольствоваться лишь изложением особенных фактов. Она должна связать их в единое целое, показать взаимодействие между ними, их причины и следствия – одним словом, представить факты в той взаимосвязи, которая была когда-то между ними в действительности.

Одним из важнейших результатов исторического суждения и необходимым условием понимания деяний народа является разделение их на периоды. И для такого деления у нас есть весомые причины. Мы ведь видим, что под влиянием известных исторических течений и событий каждый народ и государство отходит время от времени от господствовавших ранее принципов, а также направлений своих устремлений и развития. Вместо них создаются новые или заимствуются уже готовые, после чего развитие продолжается уже на этих новых началах.

Каждый такой временной промежуток, во время которого народ трудится, организуется и развивается на одних и тех же началах, и называется отдельным периодом его истории или эпохой в его жизни. Каждое же изменение этих принципов мы отмечаем как переход к другому периоду. Кроме того, необходимыми признаками каждого хорошо понятого и правильно определенного исторического периода являются:

- 1) некоторая намеченная и считающаяся с изменившимися условиями неизвестная до того времени цель народной деятельности;
- 2) соответствующая этой цели новая организация в самом широком смысле этого слова;
- 3) изменение вследствие этого морального, интеллектуального и бытового характера народа.

Помимо этого следует заметить, что, не желая разрывать естественную связь между отдельными событиями и отношениями, но стремясь представить их на общем, реальном фоне и справедливо оценить, мы должны изобразить каждый исторический период особым образом.

Итак, историк не выдумывает периоды и не вносит их в историю искусственным образом. Его задача состоит только в том, чтобы уловить ход истории, найти и констатировать те периоды, на которые она сама разделяется. Историк, если он решит такую задачу, извлекает из этого большую выгоду, поскольку он может дать целому периоду такое освещение, какое ему более всего свойственно, то есть изобразить общую картину его внутренних отношений и внешних условий и на этом обосновать повествование о событиях и их оценку. В противном случае если он не отметит никаких периодов или измыслит периоды, не согласующиеся с действительностью, то его изложение истории и ее оценка либо вообще не будут иметь никакого основания, либо станут обладать шаткой и ложной основой.

Первое можно сказать о школе Нарушевича, а второе – о школе Лелевеля. Однако и современная историческая школа не успела еще прийти ни к какому соглашению по вопросу разделения истории на периоды.

Ведь часто за основу такого деления брали признак второстепенного значения, чаще всего форму правления, и вследствие этого различали периоды: монархический, магнатский и демократический. Либо такой основой выступал факт перемены династий, что считалось достаточным обоснованием для деления на эпохи: Пястов, Ягеллонов и выборов короля.

Я изложил и обосновал другое деление на периоды, а именно: первый – первобытный до середины XIII века, второй – средневековый до конца XV века и третий – современный

от конца XV века до третьего раздела Польши. Такое деление вызвало полемику, в которой приняли участие Шуйский, Войцеховский⁵¹ и Смолка⁵².

Шуйский и Войцеховский не признавали, что внутренние и внешние польские дела тесно связаны друг с другом, что труд и жизнь народа, направленные как вовнутрь, так и за пределы территории его проживания, представляют собой одно неразрывное целое и что каждое изменение в одном направлении усиливается во втором. Поэтому вместо того, чтобы попытаться нащупать эту связь, они искали, скорее всего, различия и были готовы принять два разнящихся деления на периоды: одно для внутренней истории, то есть для истории устройства Польши, а другое для внешней истории.

В частности, Шуйский, согласившись с определенными поправками моей периодизации, но только для внутренней истории, предложил деление внешней истории на три других периода, разграничивающихся призванием на трон Ягайло (в 1386 г.) и Люблинской унией⁵³ (1569 г.). Причем такой периодизации он придавал большее значение, предполагая, что суть истории Польши заключается не во внутреннем ее развитии, а в продвижении цивилизации дальше на Восток.

Нечто подобное представил и Войцеховский. Не отрицая определенного значения моей периодизации, он представил совершенно иное деление на эпохи, выделяя две:

1) до 1386 года, когда Польша, стремясь на Запад, опиралась на Одру (Одер) и Вислу и имела достаточно однородное польское население с примесью немцев и евреев;

2) после 1386 года, когда устремления Польши возвращались на Восток за Днепр и Двину, а история ее являлась делом рук польского, русского, литовского и немецкого населения, проживавшего на территории Речи Посполитой.

Причем у каждой из этих эпох имелся свой поворотный момент. Для первой эпохи, по мнению Войцеховского, таким моментом являлся 1241 год (нападение татар), а для второй – 1648 год (турецкие войны). При этом такая разбивка приводила к созданию самих переходных периодов. Таким образом, в 1241–1386 годах Войцеховский обращает внимание только на все больше и больше исчезающие остатки польской первобытности, а после 1386 года – на медленно формирующиеся элементы современной Польши.

Так и было на самом деле, но только в 1241–1500 годах. И это не считая того, что нам неизвестно, и того, что стало появляться с самого начала, когда господствовала цельная система цивилизационных и политических отношений, не относящихся ни к первобытной, ни к современной Польше, однако являвшихся характерными для средневековой Польши. В то же время для представления всех этих отношений, для характеристики того, что составляло суть нашей истории с середины XIII до конца XV века, в этой периодизации места нет.

То же самое сделал и Шуйский, с той лишь разницей, что вместо 1241 года переходный период у него начинается уже с 1139 года. Смолка тоже отнес начало такого переходного периода к 1139 году (завещание Болеслава III Кривоустого), который, по его мнению, заканчивается в 1320 году (коронация Владислава I Локетек). Однако он не остался верным такой теории, и поступил правильно. Для описания событий, начиная со времен Мешко III Старого, то есть со второй половины XII века, Смолка изобразил картину первобытной Польши со времен Мешко I до середины XIII века, оставляя в стороне привилегии и автономию государств со второй половины этого столетия.

К вопросу о периодизации польской истории вновь опрометчиво вернулся Кутшеба⁵⁴, который в своем «Очерке истории устройства Польши» (первое издание в 1905 году) разделил польскую историю на шесть периодов:

1) предварительный период до середины X века, то есть до возникновения польского государства, период родовой организации;

2) первый период, период княжеского права до выдачи первых общественных привилегий в конце XII века;

3) второй период, период организации общества до смерти Казимира III Великого в 1370 году и Кошицкого привилея⁵⁵ в 1374 году;

4) третий период, сословный, до Люблинской унии в 1569 году и первого междуцарствия (1572);

5) четвертый период, период преимущества шляхты до реформ, начатых во время последнего междуцарствия (1764);

6) пятый период, неоконченный период реформ, прерванный развалом государства в 1795 году.

Отрицательные стороны такой периодизации и ее неблагоприятное влияние на трактовку истории и представление ее органического процесса раскрыл Бальцер в своем основательном исследовании «По поводу нового очерка истории государственного устройства Польши», опубликованном в «Квартальнике историчном» в 1906 году (см. также: *Он же*. История государственного устройства Польши. Обзор университетских лекций. Краков, 1905). Однако, не ограничиваясь критикой периодизации Кутшебы, он разделил историю Польши на три периода:

1) период княжеского права до начала XIII века, характеризовавшийся преобладанием государственного элемента над общественным;

2) период самоуправления государственных общин, начиная с привилегий неприкосновенности в пользу церкви с 1211–1215 годов. Период равновесия в организации общественного элемента и его равновесия с государственным элементом;

3) период шляхетской Речи Посполитой (Речь Посполитая как государство, а не сегодняшняя республика), отчасти подготовивший изменения, начиная со второй половины XV века, охватывавший временной отрезок с 1505 года до четырехлетнего Сейма. Период превалирования общественного элемента, то есть шляхты, над государственным элементом.

Такая периодизация польской истории сочеталась с моим ее делением на три периода, правда, с тремя оговорками, а именно:

1) начало второго периода приходится на 1210 год, то есть начинается с первой привилегии польской церкви;

2) начало третьего периода датируется не с конца XV века, а от принятия закона *nihil novi*⁵⁶ в 1505 году. Как видно, разница небольшая;

3) наступление нового периода приходится на начало работы четырехлетнего Сейма, на что есть, возможно, только одно возражение – его реформы были прерваны слишком скоро.

Однако Кутшеба не сдавался, пытаясь доказать, что перелом в общественном устройстве произошел только с принятия Кошицкого привилея и продолжился в законах первого междуцарствия. Такое его утверждение нашло, в частности, свое выражение в статье «Несколько вопросов по истории устройства Польши» в «Квартальнике историчном» в 1906 году. Тем не менее в последующих изданиях своей книги он, оставив предварительный период, ограничил количество исторических периодов до трех: первый до 1370 года, второй до 1572 года и третий до 1795 года, что, однако, отрицательных сторон его представления не убавило.

Причиной разногласий историков в периодизации польской истории, наряду с различным пониманием важности некоторых фактов, является то обстоятельство, что в развитии государства и общества периоды не отделены друг от друга одним мгновением или одним событием. Переход от одного периода к другому совершается медленно и растягивается обычно на одно или даже несколько столетий. К тому же жизнь народа постоянно продвигается вперед по проторенной колее, а под ней подспудно накапливаются явления, являющиеся предвестником и подготовкой нового направления.

Сначала они проявляются как редкие исключения, но потом происходят все чаще и вызывают все большие изменения, пока, наконец, не совершается решительный перелом. И перелом

этот не отрицает сразу всего прошлого. При этом, когда жизнь народа идет уже по новой колее, от прежнего порядка вещей многое еще остается в виде следов, которые слабеют лишь постепенно и совсем исчезают только некоторое время спустя. Таким образом, трудность для историка заключается в том, чтобы запечатлеть момент, который, конечно, длится не день, не год и даже не десятилетие, в каком жизнь народа вышла на новые рельсы и движется уже по ним.

Полемика между Бальцером и Кутшебой, какой бы поучительной она ни была, являлась замкнутой на представлении государственного строя и общества. Она не затрагивала вопрос, согласны ли другие стороны жизни народа с разделением на периоды, продиктованные развитием его устройства.

Тем не менее историк, пишущий об общей истории народа, должен задать себе этот вопрос. И пусть его не смущает тот факт, что, будь то история литературы, либо история нравов, либо история искусства, или история экономики, перелом между Средневековьем и Новым временем произошел таким способом, что это невозможно отрицать. Более слабый такой перелом просматривается между историей древних времен и подлинного Средневековья, что является следствием наличия слишком малого числа источников древности.

Нам приходилось догонять Запад аж до начала XVI века, но с конца Средневековья мы уже следовали за его тогдашним развитием, и для нас не является оскорблением, что наша история в познании современной эпохи согласуется с всеобщей историей.

Это признала последняя «Политическая история», изданная в Польской энциклопедии в 1920 году. Однако, будучи коллективным трудом десяти ученых, она не уделила достаточного внимания периодизации истории, так как каждый из авторов ограничивался лишь своей главой. Тем не менее свое произведение они издали в двух частях, обозначив первую из них как «Средние века». Вторая же часть охватила время «С 1506 года до 1775 года». При этом в первой части автор первой главы назвал ее «Периодом до конца XII века».

Само же понятие исторического периода рассматривается в диссертации Владислава Семеньского «Деление истории устройства Польши на периоды», напечатанной во Львове в памятной книге в честь Освальда Бальцера в 1925 году.

Первый период

Начинается с того момента, когда определенная группа польских племен, проживавших на Одере и Висле, слилась в единое польское государство. Продолжается до середины XIII века.

В этот период наиболее актуальной целью внешней политики является сохранение для государства бассейна Эльбы и Одера до их устья в Прибалтике и оборона границ от немцев. Эта тяжелая и трудная борьба увенчалась победой Болеслава I Храброго и Болеслава III Кривоустого, но с момента раскола Польши эта борьба стала оборачиваться для нее неприятностями.

В 1181 году князя Западной Померании принесли присягу на верность императору Священной Римской империи, а на земле лютичей⁵⁷ к тому времени образовалась марка (маркграфство) Бранденбург⁵⁸. Тем не менее окончательно пограничную линию по реке Одер Польша теряет только в середине XIII века, так как оборонительное значение этого заградительного вала, созданного для Польши полабскими славянами, было полностью утрачено.

Тогда же мы лишились также части земель лютичей, а после гибели Генриха II Благочестивого на поле Легницкой битвы с монголами в 1241 году Силезская область стала все более подвергаться германизации, постепенно утрачивая свои союзнические отношения с Польшей. Правда, этот факт юридически был узаконен только в 1335 году.

Целью же внутренней политики являлась задача поднятия все еще диких польских племен на уровень более высокой организации. Из разрозненных племен необходимо было сформировать единую нацию, позаботиться о ее политическом существовании, а из языческого

населения создать христианское общество, способное самостоятельно развиваться и самоотверженно трудиться.

Для достижения этих целей использовалась вся государственная организация. При этом патриархальная и самодержавная монархия опиралась на понятия патриархальной власти, и все население ей беспрекословно подчинялось. Монарх объединял в своих руках все силы народа, являясь единственным источником права и власти. Он также осуществлял как внешнюю защиту, так и внутреннюю организацию не только военной и судебной, но и церковной и экономической системы.

Прежде чем эти цели были достигнуты, то есть на протяжении всего первого периода, польское общество носило на себе ярко выраженный отпечаток подросткового возраста – оно было неспособно что-либо делать самостоятельно и всем своим развитием было обязано жесткой школе, в которую попало. Вся цивилизация, как и христианство, новый экономический и юридический порядок, романское искусство были навязаны сверху, но все это пробивало твердую оболочку древнего язычества, старых правовых обычаев и прежних методов ведения хозяйства медленно. А то из древних времен, чего не затронули перемены, до сих пор сохраняется еще в нравах и обычаях, фольклоре, в мире чувств и воображения.

По мере продвижения цивилизационной работы новшества формировались и множились, освобождая место для разных факторов и отношений, являвшихся подготовкой следующего периода, но всегда остававшихся исключением до того момента, когда им удавалось перебороть прежний порядок вещей. Остановить этот процесс не смогло ни убийство святого Станислава⁵⁹, ни завещание Болеслава III Кривоустого, ни Ленчицкий съезд 1180 года⁶⁰. И хотя их последствием и явилось ослабление монаршей власти, а также усиление позиций церковных и светских магнатов, вельможи при своем стремлении к участию в управлении государством оказались не в силах предложить другие цели и действия.

Патриархальное правление закончилось только после создания отдельных, самобытных сословий. Сначала в таком ключе было организовано духовенство, которое, однако, программу своей автономии, провозглашенную в Привилегии 1211 года, осуществляло только с 1230 по 1260 год. Поэтому, основываясь лишь на этой программе и ее оглашении, говорить о начале нового периода в польской истории невозможно.

Городские немецкие общины, составлявшие в начале XIII столетия еще редкое исключение (в основном в Силезии), в 1240–1260 годах образуются по всей стране уже в таком количестве, что становятся государством в государстве и самостоятельным политическим фактором. Однако патриархальное правление больше всего ослабло по отношению к рыцарству, которое общие привилегии получило уже от Владислава III Тонконового⁶¹ в 1228 году и от Вацлава⁶² в 1291 году. Тем не менее окончательная автономная организация землевладельцев произошла только с начала XIV века. Поэтому если в качестве границы между периодами было бы взято среднее время автономной организации отдельных сословий, то этот момент выпал бы на середину XIII века.

Мы можем так сделать, потому что именно в этом нам видится полное изменение в целях и средствах тогдашнего государства, которое получает значительное дополнительное ускорение под влиянием нападения монголов в 1241 году. А то, что оставалось от польских первобытных отношений после середины XIII века, было уже исключением, остатками ушедшего периода, обреченными на быстрое или медленное вымирание. И если мы не соглашаемся на слишком раннее начало нового периода, то еще меньше у нас оснований относить его к Кошицкому привилею 1374 года, в котором уже давно утвердившиеся привилегии, самоуправление и автономия сословий нашли только свое высшее выражение.

Второй период

Начался во второй половине XIII века и продолжался до конца XV столетия.

Целью внешней политики являлось сохранение устья Вислы, единственного тогда значимого канала экспорта через Балтийское море. Для достижения этой цели, а также для победы над пруссаками, которым принадлежал правый берег Вислы, Польша в XIII веке вступила в союз с Тевтонским орденом, а когда союзник превратился во врага, обрушилась на него всеми своими силами. Именно с этой целью велись войны Владиславом I Локетekom, Ягайло⁶³ и Казимиром IV Ягеллончиком⁶⁴.

Вековая борьба с орденом успешно завершилась Торуньским миром 1466 года⁶⁵, и тогда казалось, что окончательный разгром тевтонов является вопросом ближайшего времени. Для победы над орденом Польша намеревалась восстановить контроль над потерянной Силезией, а для этого в 1340 году строит поселения на Красной Руси⁶⁶, эффективно защищает ее от татар, а также входит в союз с Литвой, неся в Литву блага своей цивилизации.

Целью же внутренней политики являлось дальнейшее развитие, которое осуществлялось за счет самостоятельной работы общества, то есть собственными его силами. При этом цивилизация, которая до той поры принималась народом лишь поверхностно, должна была проникнуть в глубины общества и получить ранее неизвестные результаты. Для этого использовалась организация государства и общества, поскольку оба этих фактора уже выступали независимо друг от друга.

Общество состояло из обладавших почти полной автономией в области законодательства, судебной системы и администрирования трех сословий, а именно из церкви, организованных по немецкому праву городов и из осевшего на земле рыцарства. Причем самоуправление этих сословий обеспечивалось за счет отдельных договоренностей с правителем, а формой таких соглашений выступали привилегии.

При этом правитель во внутренние дела сословий либо вовсе не вмешивался, либо влиял на них лишь незначительно. Общественные же повинности, которые правитель мог потребовать от сословий, в привилегиях строго прописывались и доводились до минимума. Если же правитель желал большего, то в таком случае он должен был получить разрешение сословий. Таким образом, задача монарха сводилась к поддержанию баланса между сословиями и решению внешнеполитических проблем. Средства же для выполнения этой задачи он черпал в основном из доходов от огромных владений короны, то есть от имущества, доставшегося ему по наследству (патримония).

Организованный таким образом самостоятельный общественный труд привел к колоссальному прогрессу цивилизации. В ходе изменения обычаев выросла ученость священнослужителей, развивались ремесла горожан, менялись взгляды рыцарей-феодалов. Пробудилась схоластическая латинско-польская литература, а в организации государства отразились и политические понятия. Из романского постепенно развился готический стиль в искусстве, что нашло широкое отражение при строительстве церквей, городов и замков.

Третий период

Продолжался с конца XV века до упадка Речи Посполитой.

Целью внешней политики являлось сохранение государства в борьбе за существование, которую начали европейские государства с конца XV века. При этом условием выживания для польского государства была опора на берега Балтийского и Черного морей, для чего Польша объединилась с Литвой в единое политическое целое, что было закреплено в Мельницкой 1501

года⁶⁷ и Люблинской уния 1569 года. Поэтому уже с начала XVI века войны она вела за пределами своих хлипких границ на Двине и Днепре. И вела их до самого конца, но в конечном итоге проиграла.

Цель же внутренней политики заключалась в том, чтобы решить высшие цивилизационные задачи, на что сил всех сословий и каждого из них в отдельности не хватало. Она явилась результатом естественного развития вещей, когда сословия уже достигли максимума того, чего могли добиться собственными силами. Так, церковь не могла уже в одиночку нести в народ просвещение и заниматься образованием нации, а торговля, промышленность и сельское хозяйство требовали мощной поддержки для своего развития и завоевания новых рынков сбыта.

Этим целям должна была отвечать новая организация общества, которая не исключала бы его самостоятельного труда, но позволяла бы сосредоточить все силы в руках государства, когда такое фокусирование требовалось для защиты высших интересов. Такое предполагало отказ от средневековых привилегий и опору государства на всеобщие налоги, а с их помощью и на постоянную армию.

Эгоизм же и обособленность сословий должны были уступить место чувству любви к родине и ощущению принадлежности к гражданам государства, без чего народ не смог бы найти в себе сил на трудные и великие свершения. При этом функции государства неизмеримо расширялись, охватывая не только внешнюю политику, но и вопросы поддержания общественного порядка, создавая целый ряд новых задач, неизвестных во времена Средневековья и отвечавших требованиям современного администрирования, цивилизационной и экономической политики.

Работа над этим происходила среди великих потрясших Польшу вместе со всей Западной Европой течений, которые были вызваны открытием Америки, гуманизмом, Реформацией и теорией законов природы. Причем каждое из этих течений затронуло всех, в том числе и низшие слои общества, отразившись на его обычаях и просвещении. Ведь гуманизм с Реформацией в корне изменили направление и ресурсы образования, пробудили польскую национальную литературу, готика уступила место ренессансу, а отблеск итальянского, а затем французского великолепия размыл разницу между сословиями, придав обычаям совершенно новый оттенок. Иностранные слова, которые во множестве впитала в себя Речь Посполитая, стали звучать, по крайней мере, в высших слоях шляхтичей и мещан.

Таким образом, перелом между средневековым и современным периодами наблюдался как в Польше, так и на всем Западе. Вопрос состоит только в том, произошел ли он у нас с западными странами одновременно, то есть уже в конце XV – начале XVI века, или нет? Такой вопрос возникает из-за того, что, несомненно, сходная с Западом организация польского государства происходила вне развития других государств.

Тем не менее слом средневековых привилегий⁶⁸ у нас произошел тоже во второй половине XV века, а в 1505 году была создана начальная государственная власть – сейм, который имел абсолютное право наложения повинностей и введения новых общественных порядков. Правда, сейм, состоявший из представителей шляхты и заботившийся главным образом о ее интересах, не использовал это право должным образом. Сильная, централизованная государственная власть не была создана, а разные средневековые отношения оставались фактически или юридически дольше, чем на Западе. Однако все это не дает нам права увеличивать время господства Средневековья в нашей истории.

Были у нас и попытки отнести начало нового периода до первого междуцарствия. Такое объясняется тем, что работа польского сейма и золотая шляхетская вольность нашли тогда в статутах свое высшее выражение. Но они в конце XV – начале XVI века утвердились уже таким образом, что все отношения были четко отделены от предыдущих. Поэтому решающим в определении начала периода современной Польши должны быть такие условия и задачи внутрен-

ней и внешней политики, которые затем круто изменились. Должны были также произойти и перемены в образовании и морали под воздействием гуманизма.

Однако нельзя, как это делает Бальцер, замыкаться на понятии «шляхетской Речи Посполитой, в которой шляхта, получив преимущество в управлении делами государства, лишила ее силы и значения». Это действительно было так, и потому Польша пала. Но это явление распада и упадка не перечеркивает нашей современной истории, имеющей вторую свою сторону. И эта сторона светлая. Она, помимо того что мы стали оплотом христианства и вели победоносные войны, помимо заключенных союзов и объединения с соседними народами и странами, помимо углубления и распространения цивилизации, характеризуется непрерывным совершенствованием Речи Посполитой, которое осуществляли короли, различные партии и выдающиеся мужья из числа дворян в борьбе за создание современного государства.

Труды этих людей, их усилия и борьба как раз и составляют истинное содержание нашей истории с конца XV века. Конечно, шляхта завоевала себе золотую вольность легко и быстро, но дальнейшая история Польши складывалась не из этого, а творилась в обусловленной лучшими факторами борьбе с данной золотой вольностью, в борьбе, которая была слишком долго неэффективной, но неустанной.

Глава III Славянские народы и племена

Индоевропейские племена

Колыбелью европейского населения была Азия, где в западных предгорьях высоких Гималаев поселились арии – племя, отличавшееся крепким телосложением и бодростью духа. Арии занимались главным образом скотоводством, но знали уже хлебопашество, хотя и вели его кочевым способом, переселяясь с одного места на другое и каждый раз обрабатывая новые земли.

Питались они мясом и молоком домашних животных, а также отчасти и хлебом. Из растений же готовили себе какой-то опьяняющий напиток. Арии умели ткать, плести и шить, а поэтому кроме звериных шкур носили также и шерстяную одежду.

Основой всех отношений был род, крепко организованный на начале моногамии. Во всем племени другой власти, кроме патриархальной, не существовало. Религия основывалась на культе природы, и поэтому арии боготворили главным образом ясное небо.

Найдя благоприятные условия для своего развития, племя ариев начало так сильно разрастаться, что, в конце концов, уже не могло найти себе пропитания и помещаться на своей первобытной родине. Вследствие этого от главного ствола стали отпадать отдельные ветви. Оставив древнюю колыбель, они занимали новые, иногда весьма отдаленные места и давали начало новым племенам.

Эти первые переселения, происходившие в незапамятные времена, а точнее, более чем за десять веков до Рождества Христова, совершались по двум великим маршрутам, из которых один вел на юг в Индию, а другой – на запад в Европу⁶⁹.

Память о том великом переселении изгладилась, а узы, некогда соединявшие эти вылупившиеся из одного гнезда родственные племена, оборвались. Однако в языках их потомков, проживающих в Индии и в Европе, сохранилось столь большое, неизгладимое сходство и родство, что это и теперь позволяет нам отличать их от племен другого происхождения и причислять к одной арийской или индоевропейской группе.

Шесть таких великих племен избрали для себя Европу. Причем фракийцы и латиняне заняли два прекраснейших южных полуострова, кельты поселились на западных просторах у берегов Атлантического океана, германцы, разделившись на немцев и скандинавов, осели в самой середине, а славянам и литовцам досталась восточная равнина между Карпатами и берегами Балтийского моря.

На арену исторической жизни в Европе арийские племена вступили не сразу и не одновременно. Первыми пробудились греки, которые после длительного самостоятельного развития достигли вершин цивилизации и под предводительством македонских царей перенесли ее далеко на восток, а расширение цивилизации на запад завещали своим ученикам и наследникам – римлянам. Эту античную цивилизацию, которую римляне, обладая железной волей и применяя строгие законы, использовали как средство подчинения всего мира, полностью переняли и кельты.

Только племя германцев поставило непреодолимый заслон на пути дальнейшего наступательного движения римлян. Самые же тяжелые для них времена Римской империи германцы пережили, организуясь в ходе кровопролитной борьбы под военным управлением королей-воевод и вырабатывая в себе способность к полному повиновению власти, необыкновенную энергию и предприимчивость.

Когда в V веке н. э. Римская империя вследствие внутреннего разложения стала быстро приходить в упадок, германские племена разрушили ее границы и на развалинах этой империи основали собственные государства. При этом вместе с церковной организацией в наследство от римлян им досталась и христианская древняя цивилизация. Однако германские племена взяли от нее только обломки и, вдохнув в них свой дух, построили из этих обломков новую форму общества и государства, в котором всякая власть действует во благо личности, а человек перестает быть орудием в руках государства, как это было в Греции и Риме.

Славяне

В худших условиях, вдали от древней цивилизации, находились славяне, называвшие себя сербами. Первоначально, не позднее V века до н. э., они заняли равнину между Вислой, Доном и Днепром, соприкасаясь на западе с германцами и уступив берега Балтийского моря своим ближайшим родичам – литовцам, которые разделялись на собственно литовцев, латышей и пруссов. С севера их соседями были финские племена, принадлежащие к другой, монгольской расе, а на юге и востоке они граничили со скифами и сарматами, которых современная наука тоже причисляет к арийской расе, но к ее азиатской ветви.

При посредничестве скифов, которые соприкасались с греческими колониями на берегу Черного моря, а также напрямую из римских поселений на Дунае славяне путем меновой торговли получали много ремесленных изделий и произведений искусства. Это, конечно, повышало уровень их цивилизации, но не могло оказать значительного влияния на их развитие.

Зато по мере дальнейшего развития славянам многое приходилось претерпевать не только от варварских, но и от более сильных германских племен, которые время от времени их покоряли, а также от нашествий восточных варваров – монголов. Однако им удалось пережить все напасти и набеги до того счастливого момента, выпавшего на их долю в V веке н. э., когда началось переселение германских народов.

Именно тогда на историческую сцену выступает племя, уже давно имевшее общее название веныды и тогда уже разделенное на славян и антов. Оно заняло покинутые германцами земли, вытеснило их остатки и расселилось на всем пространстве от истоков Волги и Днепра до Эльбы, Адриатического, Средиземного и Черного морей. При этом почти единственное отличие у ветвей данного племени составляли лишь незначительные различия в языке.

Тем не менее западные славяне отличались от восточных, а те, в свою очередь, после занятия Фракийского полуострова⁷⁰ разделились на восточных и южных. В западной же группе по наречиям стали различаться чешская и польская ветви, в южной (словенской) группе – сербская, хорватская, словенская и болгарская ветви. А вот восточная группа (русская) представляла собой наиболее однородное целое.

Таким образом, славяне непосредственно столкнулись с цивилизацией только в V веке н. э. и уже тогда очутились в таких же условиях, в каких германское племя находилось с незапамятных времен, развиваясь в соседстве с римлянами. Поэтому славяне не могли даже мечтать о том, чтобы сравниться с германцами и вступить с ними в борьбу за ту роль, которую те начали играть на исторической сцене. Ведь хотя германцы и продолжали оставаться варварами, но тем не менее обладали крепкой организацией.

А вот славянам такой организации не доставало. Делясь на бесчисленное множество мелких племен, не имевших прочного соединения между собой и рассеянных на огромном занятии ими пространстве, они занимались охотой, пчеловодством, скотоводством и преимущественно хлебопашеством, к которому сама природа занятых ими просторов привела их раньше, чем западных германцев.

Быстро отойдя от кочевого и военного образа жизни, славяне не выработали в себе уважение к закону и деспотической власти, не понимая, какую силу дает внутренняя дисциплина

и солидарность. Свою задачу они видели лишь в том, чтобы, пользуясь благоприятными условиями, прочно закрепиться на занятой земле, определить границы своих территорий, отражать нападения и, постепенно усваивая плоды старшей цивилизации, фокусироваться и объединяться в правильно развивающиеся, хорошо организованные народы и государства с сильной властью. И эту задачу славяне выполняли на протяжении пяти веков с того момента, когда они окончательно перешли к оседлому образу жизни, то есть с VI по X столетие н. э.

Русичи и болгары

В сплоченный народ и сильное государство легче всего организовались те группы разрозненных мелких славянских племен, в которых вследствие их завоевания к славянской крови примешивалась кровь какого-либо чужого племени, более склонного к активной политической и общественной жизни, до которой славяне из-за своей традиционной розни и чрезмерного свободолюбия еще не доросли. Такое чуждое племя покоряло несколько мелких славянских племен, уничтожало их своеобразие, навязывало им свое однородное государственное устройство, династию и название, смешиваясь, в свою очередь, со славянским населением, ассимилируясь с ним и принимая его обычаи и язык. Именно такому историческому факту обязаны своим возникновением народы и государства болгар и Руси.

Болгары, являясь ветвью монгольской расы, во второй половине VII века (в 678 г.) вторглись на территорию, расположенную по нижнему течению Дуная, покорили жившие там славянские племена и основали грозное для всех соседей государство. Расселившись среди более многочисленного славянского населения, они очень скоро смешались с ним, образовав болгарский народ, у которого славянский элемент в языке и обычаях получил абсолютное преобладание.

Ту же роль, но уже спустя два столетия, по отношению к северным славянским племенам, поселившимся вдоль Днепра и Двины, исполнили варяги, иначе называемые руссами. Организуясь в многочисленные военные дружины, они в те времена под именем норманнов отправлялись из Скандинавии на грабеж и завоевания, став настоящим ужасом для всей Западной Европы. Вот это скандинавское племя, вернее, одна из его военных дружин, под предводительством Рюрика овладела Новгородом и Киевом (в 862 г.) и, опираясь на скандинавскую военную машину, основала здесь во второй половине IX века огромное государство под названием Русь.

Но и тут по сравнению с покоренными племенами завоеватели были слишком малочисленны. И им удалось постепенно подчинить себе столь большую территорию только потому, что они принимали в свои ряды славян. А это, в свою очередь, способствовало быстрому ослаблению и утрате ими своих национальных отличий. Приняв же славянский язык, норманны бесследно растворились в славянском обществе, оставив ему только свое имя, династию Рюриковичей и устройство созданного ими государства.

Усилению и дальнейшему развитию возникших таким образом обоих государств во многом способствовало влияние византийской церкви и самой Византийской империи, которая к тому времени уже совершенно ослабла и поэтому не могла думать о покорении славянских земель и об уничтожении их самостоятельности. Она заботилась только о собственной защите, так как вооруженные рати болгар и руссов не раз стояли у стен Царьграда, как, например, дружины болгарского хана Крума (755–814) в 813 году и русского князя Олега в 907 году.

Для того чтобы оградить себя от таких нападений, у византийских императоров было только одно действенное средство – распространение своей цивилизации среди воинственных варваров, а также подчинение их нравственному влиянию и авторитету Константинополя. И это им вполне удалось.

Приняв в 864 году вместе со своим народом крещение из рук греческих епископов, болгарский царь Богорис Михаил⁷¹ временно устранил их влияние и обратился к папе Николаю

I. Однако уже в 870 году он признал главенство византийского патриарха над своей церковью. В 988 году также с помощью греческих священников Владимир Великий ввел христианство и Восточную церковь⁷² на Руси, а женившись на греческой царевне Анне, открыл широкий доступ византийскому влиянию на свой двор и государство. И влияние это простиралось чрезвычайно далеко, так как абсолютизм восточных императоров вполне соответствовал устремлениям болгарских и русских государей, предлагая им готовые формы для подражания.

Между тем Восточная церковь уже давно утратила прежнее значение и не могла идти ни в какое сравнение со свободно развивавшейся Западной церковью. Служа во всем государству и будучи политическим учреждением, она не представляла идеи свободы, как на Западе, не поддерживала самобытности общества и вместо того, чтобы бороться с самодержавием государей, служила для него самой сильной опорой.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что Византийская империя, ее церковь и право дружно воздействовали на болгар и Русь, а в их общественных и политических учреждениях отчетливо просматривался перевес византийского влияния как фактора, довлеющего над славянскими и даже скандинавскими традициями.

Под тем же влиянием, но без примеси чуждого племени стал наконец развиваться и пробуждаться к самостоятельной жизни сербский народ, который жил на берегах Дуная в соседстве с болгарами, но к западу от них. В XIII веке сербы организовались в сильное государство, опиравшееся на византийские учреждения, как в церковном, так и в политическом отношении.

Чехи

Византийская цивилизация Востока еще в пределах сербского государства сталкивалась со своей грозной соперницей – римской цивилизацией Запада. Но настоящей ареной их соперничества и борьбы стала территория нынешней Австрии, которую тогда заселяли мелкие славянские племена, не связанные между собой никакими прочными узами. Причем силы противников долго были примерно равными.

При этом славянские народы склонялись на ту сторону, которая предлагала им наиболее благоприятные не только цивилизационные, но и политические условия. Поэтому, как видно, на окончательный результат этой борьбы повлияли чисто внешние и, можно сказать, случайные обстоятельства.

Рассматривая данный вопрос с такого ракурса, мы легко поймем, почему сначала перевес был на стороне Восточной церкви и цивилизации. Ведь Восточная церковь в своей апостольской деятельности не только не встречала никакого сопротивления со стороны слабой Византийской империи, а, наоборот, получала от нее деятельную поддержку. Обращая же в христианство славянские племена, она пробуждала их и к самостоятельной политической жизни.

А вот положение римской церкви было совсем иное. Вопреки собственной задаче, а может быть, и против своей воли она полностью солидаризировалась с пагубной политической системой, которую ей навязала германская империя⁷³. Дело заключалось в том, что в конце VIII века на Западе развилась теория, гласившая, что верховная власть над целым миром должна принадлежать императору и папе. При этом императору отводилась роль главы светской власти, а папе – духовной, где оба должны были взаимно поддерживать друг друга.

Следует признать, что эта теория некоторое время помогала папам расширять пределы их влияния и добиться решительного перевеса над Константинопольским патриархатом. Но за это она возложила на германский народ и императора миссию распространения христианства среди языческих племен. Германцы же пользовались этой миссией как средством для покорения и уничтожения славянских племен, пребывавших в язычестве.

В результате вместо проповедников, которые приходили бы к язычникам со словами любви и проповедью учения Христа, славянские племена ежегодно видели в своих землях

вооруженные отряды немецких рыцарей, которые под предлогом войны с неверными огнем и мечом опустошали их территории, убивая или угоняя в неволю население. Император же присоединял к своим владениям завоеванные подобным образом земли, предварительно отданные ему папами, строил в них укрепленные замки и оставлял там сильные гарнизоны.

Германское же духовенство воздвигало среди еще дымящихся развалин славянских храмов и селений кресты и церкви, в которых должны были молиться оставшиеся в живых рабы из числа славян и немецкие колонисты. Конечно, папы нередко с ужасом смотрели на такое апостольство и часто были готовы поддержать любое добровольное стремление славян к принятию христианства. Они даже приветствовали возникновение новых христианских государств, которые освободили бы римскую курию от давления империи, но у них на протяжении длительного времени не хватало сил для воплощения в жизнь такой задачи. К тому же, не имея непосредственных контактов со славянскими народами, папы были лишены и влияния на них.

В результате положение славянских племен, граничивших на западе с немцами, было отчаянным, и им не оставалось ничего иного, как ввиду общей опасности объединиться для коллективной защиты и в кровопролитной борьбе учиться у врага, как нужно организовываться и бороться с ним его же оружием. Вот каким образом началось воздействие на славян со стороны западной цивилизации.

Впервые для отпора немцам и монгольскому племени аваров, вторгнувшемуся в древнюю Паннонию⁷⁴, западные славянские племена и народы в VII веке от Рождества Христова объединились в большой военный союз⁷⁵ (633–662) под предводительством Само. Само отразил нашествие аваров и в битве под Вогастисбургом в 631 году нанес решительное поражение франкскому королю Дагоберту. Однако это первое объединение славян оказалось непрочным – союз после смерти Само распался, и немцы вновь получили перевес в отношении славянских племен, начавших действовать разрозненно.

Словенцы (хорутане) первыми подчинились баварским герцогам, которые, присоединив их к своему государству, начали процесс германизации посредством немецкой колонизации. При этом любые признаки политической и общественной самостоятельности словенцев нещадно уничтожались, а их самих стали использовать в наступательных действиях против хорватов.

Карл Великий⁷⁶, будто бы заступаясь за словенцев, разбил и рассеял аваров, но одновременно в 789 году переправился с войском через Эльбу и победил боровшиеся между собой полабские племена, а несколько позже покорил чехов и усмирил даже хорватов, начав везде навязывать христианство и проводить германизацию.

Новый спаситель славян появился лишь в 822 году в лице князя моравов Моймира⁷⁷, который не только объединил соседних славян в большой военный союз, но и начал искать против немцев более действенное, чем оружие, средство. Победив свое отвращение к христианству, Моймир позволил окрестить себя зальцбургскому епископу и начал основывать церкви, рассчитывая таким путем лишиться немцев предлога для борьбы со славянами, как язычниками, и приобрести для своего народа право на самостоятельное существование.

Однако вскоре моравы убедились в том, что подчинение влиянию немецкой церкви ведет лишь к политической зависимости от немцев, что епископы заботятся не столько об их обращении, сколько об их порабощении под предлогом апостольской деятельности. Поэтому нет ничего удивительного, что вскоре моравы стали искать менее опасную для себя цивилизацию. В результате наследник Моймира Ростислав⁷⁸ прекратил отношения с немецкой духовной иерархией, пригласил из Константинополя новых духовников Кирилла и Мефодия и с их помощью в 863 году ввел славянский церковный обряд.

Казалось, что Царьград одержал полную победу над Римом. Но политические соображения заставили славянские племена обратиться к Риму и для защиты от немцев требовать тор-

жественного одобрения своего христианского обряда, добиваясь с ним союза. Такое римская курия, естественно, встретила с большой радостью, поскольку это предоставляло ей желаемую возможность освободиться от влияния немцев.

Вопреки желанию немецкой духовной иерархии папа римский Адриан признал славянский церковный обряд и назначил Мефодия епископом Моравии и Паннонии. Вот таким оригинальным образом с санкции Рима среди западных славянских племен начала распространяться восточная цивилизация, которая перевалила даже за Карпаты и, пустив глубокие корни, принесла спасительные плоды. Их результаты заметны и спустя много веков.

Немецкое латинское духовенство, однако, не собиралось сдаваться, и после многих лет раздоров и борьбы, когда умер Мефодий, ему удалось в 885 году добиться от Святого Престола отмены славянского церковного обряда и иерархии. В Моравии же сохранилась отдельная от немцев епархия, но с латинским церковным обрядом.

Великоморавский союз, еще более укрепившись благодаря христианству и получив великого вождя в лице Святополка (870–894), смог отразить нападения немцев и включил в свой состав чехов, полабских сербов, а также, вероятно, силезцев и вислян⁷⁹. Все, казалось, предсказывало ему блестящую будущность, как вдруг в конце IX века на него обрушилось совершенно непредвиденное бедствие, в корне изменившее историю западного славянства.

Дикие орды венгров напали на славян, уничтожили при содействии немцев, всегда готовых на подобные дела, великоморавское государство, искоренили только что привитое христианство и цивилизацию и, поселившись в Паннонии в землях по среднему течению Дуная, разделили славянство на две части – западную и южную. При этом связи чешских и моравских славян с Царьградом были разорваны, а сами племена оказались под исключительным влиянием немцев.

Чешские племена, начавшие объединяться под охраной моравского союза и организовываться под управлением могущественной династии Пржемысловичей⁸⁰, теперь из страха перед венграми вынуждены были прибегнуть к покровительству немцев. Их князь Борживой I (852–888) в 871 году принял латинский церковный обряд и политические учреждения Запада.

Немцы, временно отойдя от политики уничтожения, согласились на эти условия, поскольку венгры были опасны и для них. Чтобы обезопасить себя, они стремились оградиться от них вассальным славянским государством.

Таким образом, возникшее чешское государство приобрело возможность внутреннего развития, оберегая тем самым славянский элемент от германизации. Чешский князь Болеслав I Грозный (915–967) в 955 году отвоевал Моравию у венгров и расширил свою власть вплоть до Кракова. Но, признав верховенство германских императоров и войдя в состав германского государства⁸¹, Чехия уже не могла встать во главе всего западного славянства, организовать его в единое государство и вести борьбу с немцами. Она не смогла исполнить ту великую миссию, которая досталась в удел более счастливой Польше.

Глава IV Истоки Польши

Территория

В условиях, похожих на те, в каких жили чешско-моравские племена, находились и очень близкие друг к другу по происхождению, обычаям и языку славянские племена, из которых позднее образовались польский народ и государство. Поэтому они имеют общее название польских славян, проживавших на огромной равнине к северу от Чехии, гранича с Балтийским морем и занимая территорию по обоим берегам Одера и Вислы вместе с многочисленными притоками к ним.

В то время все это огромное равнинное пространство сплошь было покрыто девственными лесами. В плодородных низинах росли в основном исполинские вековые дубы, грабы, буки, березы и липы, а на возвышенностях – лиственницы, пихты, ели и сосны. Такого рода лес создавал особые климатические условия и представлял собой естественное хранилище влаги. Поддерживая более низкую температуру, он превращал приносимые западными ветрами водяные пары в почти непрерывные дожди, сберегая влагу в густой тени. Ведь солнечным лучам было трудно извлекать ее оттуда, а ветры, шумевшие над вершинами деревьев, не могли унести ее на восток в далекие степи.

Вследствие этого наш край представлял собой огромное, постоянно расширяющееся хранилище воды. Земля, пресыщенная влагой, могла впитать в себя только незначительную ее часть. Другая, тоже небольшая ее часть удерживалась на поверхности, образуя бесчисленное количество озер и болот. Поэтому основная масса воды вынуждена была прокладывать себе естественные пути к близкому Балтийскому морю. Такими водными путями являлись Эльба (Лаба), Одер (Одра) и Висла. Однако ни одна из этих рек не имела тогда постоянного русла. Они разливались на несколько квадратных миль, затопляя соседние леса и образуя обширные трясины, делавшие само русло недоступным.

При этом реки после каждого наводнения меняли свое русло, набрасываясь с неудержимой яростью на соседние леса, опрокидывая их и пробивая себе новый путь среди торчавших пней и корней старых дубов и буков. Причем зачастую реки и вовсе исчезали, распадаясь на бесчисленное множество рукавов, образуя массу больших и малых островов, чтобы затем ниже по течению вновь появиться из поросших кустарником заболоченных озер.

Хозяйство

Жителей среди бесчисленных рек, болот, озер и обширных дремучих лесов было немного. Для поселения они выбирали себе места посуше. А для того чтобы защитить себя от диких зверей и не менее диких врагов, строили свои жилища на многочисленных островах посреди озер, а еще раньше и на самих озерах, вбивая в них тысячи свай, следы от которых сохранились и по сей день. Причем такие жилища соединялись с ближайшим берегом длинными мостами, которые в минуту опасности могли подниматься.

Население жило охотой, рыбной ловлей, пчеловодством, скотоводством и хлебопашеством. Однако сельское хозяйство имело лишь второстепенное значение, поскольку необъятные леса давали много дичи, а широко разлившиеся воды изобиловали рыбой. К тому же обширные луга и дубравы позволяли без всякого труда содержать лошадей, крупный и мелкий скот.

Тем не менее по мере роста числа населения сельское хозяйство постепенно развивалось и с началом корчевания лесов стало приобретать все большие размеры. Посреди лесов появились обширные поля, а возле Варты они вообще раскинулись так далеко от лесов, что местных жителей стали называть полянами.

Хозяйство велось только для личных нужд за счет переработки сырья, и поэтому предметом торговли могли выступать только воск, добываемый из многочисленных лесных ульев, и дорогие меха, а в Померании – янтарь. Причем продавались и рабы.

В роли торговцев очень скоро стали выступать в основном евреи, которые вывозили купленный товар на Восток и в Испанию. Об экспорте, а следовательно, о более широком производстве зерна или крупного рогатого скота тогда никто не мог и думать, хотя бы потому, что этого не позволяли имевшиеся тогда средства коммуникации.

Существовало два вида таких средств. Там, где было возможно, пользовались спокойными водами и доступными берегами озер, соединявшихся естественными каналами. Реки только местами облегчали коммуникацию, но роли крупных водных торговых артерий из-за отсутствия постоянных русел играть не могли.

Главными являлись сухопутные торговые пути. При этом дороги прокладывались по местам, где почва была суше. Они извивались, словно змеи, среди болот и топей, по которым иногда приходилось настилать тянувшиеся на многие мили гати. Такие настилы обычно вели в те места, где реки, стесненные высокими берегами, были более удобны для переправы.

Через торговлю, преимущественно меновую, в край завозились плоды более высокой цивилизации, какие сегодня при раскопках мы находим в большом количестве. Причем с древнейших времен существовало два торговых пути, шедшие к берегам Балтийского моря, где собирался дорогой ценившийся в античном мире янтарь. Один путь шел с юга из Италии, а другой – с юго-востока из греческих колоний, располагавшихся по берегам Черного моря.

Таким образом, на нашей территории встречались две цивилизации. Конечно, характер и значение влияния каждой из них в течение веков, особенно после переселения народов, менялись. Через франкское государство и Чехию к нам приближалась цивилизация Запада, а через Русь с трудом проникала цивилизация Востока. Позже же ареной самостоятельной торговли, а вместе с ней и распространения цивилизации среди ближайших племен, а затем при их посредничестве и среди живших в отдалении племен сделались берега Балтийского моря.

Однако насколько слабо было это культурное влияние, лучше всего видно из того, что, за исключением, пожалуй, одного Поморья, население нигде не сосредоточилось в одном месте и городов не знало.

Семейные, родовые и народные связи

Прямых источников, характеризующих социальный строй польских племен до создания государства, у нас нет. Тем не менее можно с большой вероятностью предполагать, что он основывался на ощущении близкого или далекого родства.

Население территориально расселялось, сгруппировавшись по семьям и родам, состоявшим из нескольких или десятков семей. Большое число родов, в свою очередь, объединялось в так называемые люды, а те – в племена, складывающиеся из определенного числа людоев. При этом экономическая организация, которая на протяжении веков проходила через различные, не поддающиеся определению общинные типы вплоть до индивидуального хозяйства, основывалась на союзах семьи и рода. Эти союзы, остававшиеся под властью отца семьи и главы рода (старейшины), заботились о своих членах и обеспечивали им защиту.

Народные союзы сохранились и в организации государства Пястов. При этом несколько родов, связанных между собой кровными узами и проживавших поблизости друг от друга,

по-прежнему составляли люд. Каждый такой люд насчитывал несколько тысяч человек. Он чуждался других людов и имел свое особое управление.

Верховная власть в нем принадлежала вече, то есть собранию всего люда, на котором предводительствовал старейшина. Вече решало вопросы о войне и мире, разбирало судебные тяжбы и вообще ведало всеми важнейшими делами. Решения веча в исполнение приводили старейшины, и главным образом князья, существовавшие, впрочем, не у всех людов. При этом у людей, составлявших один люд, сохранялось столь живое осознание кровного родства, что они смотрели на вече как на собрание рода, а на князя, там, где он был, – как на его главу. Именно на этом чувстве основывалось уважение к вечевым постановлениям, княжеским приказам и повиновение им.

Население было редким, а невозделанной земли так много, что использованные поля часто бросались, а их бывшие владельцы в поисках лучшего поля переносили свои жилища на новые места. Никто в люде не дорожил правом владения своим куском земли, никто не назывался его собственником, и никто не отмежевывался от других соплеменников. Однако при этом каждый люд очень стойко защищал занятую им территорию от других людов, считая себя единственным ее владельцем и собственником. Ведь земля принадлежала не отдельным лицам, не семье, не роду, а всему люду. Но там, где устанавливалась абсолютная княжеская власть, там собственником земли становился князь.

Центром общественной и хозяйственной жизни каждого люда являлся «грод», или «гродзиско», представлявший собой место, укрепленное самой природой, то есть находившееся или на возвышенности, или среди непроходимых лесов и болот, окруженное к тому же рвом, валом и засеками. Именно там люд собирался на вече, поклонялся богам, обменивался плодами своего земледельческого и ремесленного труда, создавал запасы на случай нужды. И именно сюда в случае опасности члены этого люда сносили свои пожитки, защищая их всеми силами.

В мирное же время в гроде находилась постоянно меняющаяся стража или гарнизон, но в целом этот грод был пуст и не походил на город в его истинном значении. Однако если у люда был князь, то он жил в нем, а его многочисленный двор придавал гроду больше жизни, что повышало его значение. Но все это настоящим городом его все-таки не делало.

Религия. Племена

Все славяне, жившие на территории между Эльбой и Вислой, были язычниками и почитали бога под разными именами. Лютичи, например, поклонялись Дажьбогу, сыну Сварога, как богу солнца и огня. В померанских племенах бога называли Святовитом и Яровитом, а у ругов – Руевитом, а также Треглавом. Кроме того, народная фантазия создала бесчисленное множество второстепенных добрых и злых духов как представителей творческих и разрушительных сил природы, которыми наполнялись леса и рощи, поля и пустоши, реки, ручьи и озера, деревья и цветы. Веруя в загробную жизнь, славяне приносили в дар покойникам, тела которых сжигались, напитки и кушанья.

Эта религия, богатая обрядами, суевериями и колдовством, столь разная в своих проявлениях, представляла собой, однако, определенное соединительное звено между людьми, которые во всем остальном отличались один от другого. Несколько или даже десятки родственных людов, поселившихся рядом и составлявших одно племя, имели одинаковые религиозные представления, признавали одни и те же божества, одинаково их называя и поклоняясь им.

Обычно они имели даже один храм, в котором стояло изваяние верховного бога и который являлся центром всей их религиозной жизни. В определенные времена года там собирались все люды, принадлежавшие к одному племени, или, по крайней мере, их представители, которые от их имени приносили богу жертвы, так называемые «объяты», занимались предсказаниями и молились.

Такие святыни или, по крайней мере, рощи и священные места, а при них жрецы имелись, в частности, в Ретре⁸² у лютичей, в Щецине у померанцев и в городе Арконы⁸³ на острове Руюн (ныне Рюген), которые сохранялись еще очень длительное время.

Аналогичной должна была быть религия и у других польских племен. Однако достоверных сведений о ней не сохранилось, так как ни один из апостолов христианства об этом не писал⁸⁴.

С течением времени религиозная общность превратилась в основу политического единства в пределах каждого племени. В момент общей опасности люди, принадлежавшие к одному племени, собирались у храма своего божества, где заключали союз для отражения нападения, выбирали одного вождя, а потом подчинялись его приказам. И чем чаще происходили неприятельские нашествия, чем больше они угрожали польскому славянству, тем теснее сплачивались люди одного племени, тем крепче становился племенной военный союз и тем более усиливалась его верховная власть.

А вот стремление к общему единству у польских племен отсутствовало полностью. Постоянные раздоры и междоусобицы разделяли их до такой степени, что даже при нашествии чужестранных врагов одно славянское племя нередко сражалось под вражескими знаменами против другого. Каждое племя развивалось обособленно, и бывали случаи, когда одно племя раскалывалось на два отдельных союза. Так, например, западные люди поморского племени развивались отдельно от восточных, которые назывались кашубами. При этом границей между ними служила речка Персанта. То же самое наблюдалось и в Силезии, где ополяне шли своей особой дорогой.

Тем не менее на протяжении очень длительного времени трудно было найти более глубокие основополагающие различия между всеми этими людьми и племенами. Их сближали одинаковое происхождение и близость языка. Но больше всего их сплачивала территория, на которой они поселились. Плодородная, богатая лесами и водами равнинная земля давала легкое пропитание своим немногочисленным обитателям и не вынуждала их вести тяжелую борьбу за существование, не строя никаких больших препятствий, какие им пришлось бы преодолевать. Однако это не способствовало развитию у жителей силы воли, предприимчивости и энергии. Такие условия делали их кроткими, гостеприимными и благородными, но вместе с тем на удивление легкомысленными, непредприимчивыми и беспечными, что проявлялось в их песнях и плясках без заботы о завтрашнем дне.

От долгой спячки польских славян пробудило лишь бряцанье оружия немцев, которые в начале IX века от Рождества Христова приблизились к их границам. Необходимо было проснуться, пробудиться к жизни и действиям, иначе грозная и организованная сила германцев могла их всех поглотить. Свирепый немецкий удар, нанесенный по соседним с немцами племенам, не мог не отразиться на тех племенах, которые проживали в глубине края и чувствовали себя до той поры неуязвимыми. Поэтому в период исторического развития и жизни все племена одновременно вступили именно в IX веке.

Характеристика основных племен⁸⁵

В наихудшем положении находились полабские племена, а именно: ободриты, занимавшие клин между нижним течением Эльбы и Немецким морем⁸⁶ (ныне Гольштейн и Мекленбург), лютичи, называвшиеся также вильками, жившие по среднему течению Эльбы и опиравшиеся на Одер и Балтийское море, и, наконец, лужичане или сербы, граничившие с чехами между реками Сола и Бобжа (Лужица и Мейсен) и принадлежавшие по наречию уже к чешской группе.

Эти племена в противостоянии с более организованными и сильными немцами были обречены на полное уничтожение. Ни к чему не приводили ни геройская храбрость полабских славян, ни даже их блистательные победы.

Здесь уместно будет напомнить, что они сбросили иго, наложенное Карлом Великим, но через сто лет Генрих I Птицелов вновь покорил их. Полабские славяне опять отвоевали свою свободу, однако в скором времени маркграф Восточной Саксонской марки Геро снова оказался победителем. И так повторялось постоянно. Причем каждый раз немцы уничтожали часть славян, отодвигали дальше на восток свои границы, присылали колонистов, вводили свое управление, основывали епископства и окончательно овладевали частью края, некогда принадлежавшего славянам.

В этих восточных пределах немцы образовывали так называемые марки или маркграфства с военной организацией: Мейсенскую – на землях сербов и Северную (называвшуюся позднее Бранденбургской) – на землях лютичей. При этом маркграф являлся почти самостоятельным государем. Он объявлял и вел войны, заключал мир, решал дела без апелляции к императору, и горе было бы тому, кто бы осмелился ему сопротивляться.

Между тем полабские славяне вместо того, чтобы подражать немцам, брать на вооружение их лучшую организацию, принимать христианство и культуру, из ненависти к ним упорно держались своей языческой религии, древних обычаев и немогшего общественного устройства. Временно объединяясь в племенные союзы, они вследствие раздоров и несогласий вскоре снова разделялись – каждый «люди» отстаивал свою особенность, а поставленный племенем вождь не всегда мог рассчитывать на повиновение. Поэтому немцы, благодаря своему единству, настойчивости и лучшей организации, в конце концов всегда их побеждали.

То же самое можно сказать и о поморянах. Жившие у моря и защищенные от опустошительных набегов, они рано завязали отношения с Данией и Скандинавией, развили у себя торговлю, промышленность и мореплавание. Поморяне первыми основали на морском побережье поселения, которые по численности жителей, занимавшихся торговлей и ремеслом, могли называться городами. Однако они отличались чрезвычайным консерватизмом, упорно держась за старинные понятия, религиозные и политические установки. При этом сословие жрецов, которого у других народов не существовало, отстаивая свое положение и политическое значение, с такой величайшей ревностью защищало язычество, что может показаться, будто бы вся энергия поморян была направлена на достижение этой цели.

Совсем в иных условиях находились мазовшане, или мазуры. Жившие дальше к востоку по среднему течению Вислы и постоянно сталкивавшиеся с пруссами, литовцами и ятвягами, окружавшими их с севера и востока. Частые нашествия северных и восточных варваров вырабатывали у этого племени воинственный дух, создав из него своего рода древнейшее польское казачество.

Победоносно отражая нападения врагов, мазуры отстаивали свое право на существование. Однако образ жизни, который при этом они вынуждены были вести, препятствовал всякому их развитию – мазовшане постоянно отрывались от земледелия и сделались в результате совершенно диким племенем, жившим почти исключительно охотой и разбоями, что на несколько веков отодвинуло назад его культуру.

О вислянах⁸⁷, живших на северном склоне Карпат в верхнем течении Вислы и Сана, известно, что у них было два древних княжеских «города» – Краков и Вислица под управлением собственного князя. Покоренные Святополком около 879 года, они вошли в состав великоморавского государства и вследствие этого пользовались плодами просветительской миссии святого Мефодия и, скорее всего, имели даже своего епископа, отправлявшего богослужения сначала по славянскому, а потом по латинскому церковному обряду. После распада великоморавского государства висляне в начале X века восстановили независимость, но уже в середине

того же столетия как минимум в западной части своей территории вместе с Краковом подпали под власть чехов.

Еще меньше нам известно о слензанах или слензаках, господствовавших на верхнем течении Одера до Судет. Кажется даже, что население восточной части позднейшей Силезии составляло особое племя ополян. Однако в Силезии, как и в землях вислян, самостоятельной политической жизни не отмечалось, и их жители начало более высокому развитию не положили.

Тогда они еще не доросли до выработки новых широких намерений и не пробудились к выполнению высшей исторической миссии.

А миссия эта заключалась в том, чтобы объединить все славянские племена от Карпат до Балтийского моря в один народ и единое государство и создать, таким образом, силу, которая могла бы устоять перед напором немцев, усмирить восточных и северных варваров, а также открыть широкие ворота для проникновения христианской цивилизации.

Исполнение этой миссии взяли на себя поляне – племя, проживавшее в самом сердце польского славянства, прикрытое поморянами с севера, лютичами с запада, слензанами и вислянами с юга и мазурами с востока. В их землях, лежавших вдоль берегов реки Варта, имелась система озер, которые для поддержания высокого уровня воды соединялись между собой естественными каналами и обладали твердыми, доступными берегами, что способствовало обмену предметами первобытной культуры. Кроме того, находя среди озер поля, пригодные для возделывания, племя полян спокойно развивалось и наблюдало за происходящим вокруг него. Это позволяло предвидеть, чего стоит ожидать в скором времени, что и ему предстоит борьба с немцами за свое существование. А предвидя такое, поляне соответствующим образом готовились и организовывались⁸⁸.

Возникновение польского государства

О том, каким образом слабая племенная организация сменилась государством, история умалчивает. Этого явления не объясняют также былинные предания польских славян, которые жившие позднее летописцы переделывали и соединяли, как им заблагорассудится. От последних ничем не отличается и Длугош, слепивший в одно целое все эти легенды, начиная от предания о Краке – воеводе, убившем гнездившегося в пещере Вавель дракона и основавшем город Краков, сказания о бросившейся в Вислу Ванде, переходящие в притчу о добывающем корону государства на состязании Лешке⁸⁹ и легенду о съеденном мышами князе Попеле, и кончая преданием о гостеприимно принявшем странников Пясте.

Некоторые современные ученые, которые не считают эти легенды измышлением летописцев XII и XIII веков и не относят их к мифам, пытаются извлечь из них историческую нить, относя их к традиции династии Пястов, сменившей старую династию, окончившуюся на Попеле. Ведь историческое содержание и становление польского государства в любом случае связаны со сказанием о Пясте.

Согласно повествованию древнейшего нашего летописца Галлуса, в Гнезне одновременно праздновали пострижение своих сыновей князь этой земли Попель и бедный селянин Пяст со своей женой Ржепкой. Тогда по тайному предначертанию Бога в Гнезно прибыли два странника. Жестокий и гордый владыка Попель оттолкнул их, а Пяст, наоборот, принял со всем гостеприимством. В благодарность за это странники сотворили чудо и так преумножили скромные кушанья и напитки, приготовленные Пястом, что тот пригласил князя Попеля с его гостями на пострижение своего сына и пышно их угостил. При пострижении сына назвали Земовитом, что говорило о том, что в будущем ему предстоит совершить великие дела (имя состояло из двух частей – «зем», то есть земля, и «вит» от слова «витязь», что в совокупности означало «богатырь, собирающий земли»).

Так оно и произошло. Земовит рос в силе и доблести, пока Господь Бог не сделал его польским князем, а Попеля с потомством окончательно искоренил – свергнутого с трона Попеля сожрали мыши. Земовит же путем военных действий расширил границы своего государства, а начатое им дело продолжили его сын Лешек и внук Земомысл. А вот сын Земомысла Мешко или Мечислав является уже строго исторической фигурой.

Это предание, положившее начало семейной традиции Пястов, имеет преимущество в том, что не позволяет нам искать истоки Польши в авантюрных гипотезах, которые выдвигали новые историки, и объясняет ее образование постепенным завоеванием и объединением польских людов князьями одного из этих людов. Такое предположение самое простое, а следовательно, наиболее правдоподобное и лучше всего объясняет, каким образом появилась более поздняя система внутреннего устройства Польши.

Сильный натиск немцев на полабских славян в IX веке неизбежно должен был косвенно отразиться и на людях, принадлежавших к племени полян. Среди возникших вследствие этого завихрений у отдельных людов усилилась власть князей-воинов, что ослабило влияние вече.

Один из таких князей, вероятно Гнезненский и, может быть, Земовит, явившийся основателем новой династии, начал присоединение соседних людов. При этом один люд помогал ему в покорении другого, а затем уже оба этих люда – третьего и так далее. Таким путем князь и его наследники либо силой подчиняли себе все больше людов, либо объединяли их под своим скипетром на добровольной основе, соединяя в единое целое люды, принадлежавшие к одному Полянскому племени, кладя, таким образом, начало образованию польского государства. Причем сформированная на постоянной основе князем воинская дружина, которая его всегда окружала, обеспечивала ему повиновение народа, подавляя возможные бунты и вооруженное сопротивление недовольных.

Для отражения грозившей опасности объединялись и другие соседние славянские люды. Однако их союзы были слабы и шатки, так как военная власть, стоявшая во главе их, была выборная и основывалась на временном добровольном подчинении ей нескольких людов. А тот, кто присоединялся добровольно, тот мог при всяком удобном случае и выйти из союза или, не разрывая отношений, своим равнодушным поведением, неповиновением и упорством ослабить его и свести на нет значение такого объединения. Каждый вождь добивался в нем собственной власти, а когда она доставалась другому, считал себя оскорбленным и не уважал ее.

Вследствие этого ни полабские племена, ни поморяне, ни слензаны, ни висляне не смогли достигнуть более высокой ступени развития и неминуемо погибли бы. Так бы и случилось, не появившись в племени полян идея о самодержавной княжеской власти, основанной не на выборном начале, а на собственной своей силе, которая смогла бы насильственным путем расширить свои пределы и которой всякий вынужден был бы подчиняться по необходимости. Появление такой силы и явилось началом государства.

В этом новообразованном государстве люды, объединенные силой оружия, естественно, потеряли свою обособленность – вече или собрание люда. Князь сосредоточил в своих руках неограниченную власть, начав управлять с помощью назначаемых им чиновников, ставя их во главе отдельных частей края.

Переход от прежней свободы людов к столь полному самодержавию явился пусть и трудным, но огромным скачком вперед, хотя он и растянулся на сто и более лет. При этом в славянском обществе еще раньше должны были существовать какие-нибудь понятия о сильной и абсолютной власти. И хотя их не было в организации людов и племен, они все же имелись в семье и роде – немногие безропотно повиновались постановлениям вече, но всякий трепетал перед авторитетом отца семейства и главы рода. Вот это сильное чувство и явилось исходной точкой развития власти и авторитета князей полян при завоевании и покорении людов и пле-

мен. Оттуда же, как видим, происходил и вполне патриархальный характер их власти – объединенные люди становились одной великой семьей, отцом и главой которой был князь.

Объединив одно племя, князья из семейства Пястов могли уже помышлять и о покорении соседних племен, а также навязывании им Полянской организации. Однако польское государство, опиравшееся на объединение нескольких племен, пребывало еще в язычестве и находилось в прямом столкновении с немцами. И эта возобновившаяся вскоре борьба с ними сильно облегчила вышеназванную задачу, ведь осознание общей опасности заставляло всех сплачиваться все теснее.

В результате князья полян присоединили к себе мазовшан, слензанов, вислян, лютичей и поморян, создав великое польское государство, включившее в себя территорию нескольких племен. Однако точно определить время, когда происходили эти события, из-за отсутствия соответствующих источников мы не можем. Не подлежит сомнению только одно – завершением этого великого дела мы обязаны Мешку и Болеславу Храброму.

Объединенные и организованные в одно государство племена стали составлять единое целое, а племя полян, выступившее зачинателем этого процесса, дало появившемуся государству свое имя. Оно стало называться Польшей, а его жители – поляками. Однако ощущение некоторой разницы между племенами, а вместе с этим и их названия сохранялись еще долго. Исчезло только название «висляне», замененное на наименование Краковского округа, а потом на «Малую Польшу», в отличие от названия исконной земли племени полян, которая тогда именовалась «Великой Польшей». Русские же всех поляков называли ляхами⁹⁰.

Однако в самом способе завоевания мы замечаем некоторые принципиальные отличия, на которые ход дальнейшего исторического развития оказал большое влияние. Так, землю вислян и, вероятно, Силезию захватили польские князья из Чехии, сделав это, насколько можно судить, достаточно легко, поскольку чисто чешское и чуждое членам этих племен правление представлялось им игом.

Пясты тоже в приобретенных таким способом землях не могли действовать столь же безжалостно, как когда-то на территории, принадлежавшей племени полян, где они истребили всех своих могущественных конкурентов – князей. В других же завоеванных ими землях Пясты княжеские династии не тронули, но к власти их не допустили, оставив управлять своими имениями. Опираясь на полностью покоренное ими племя полян и свою воинскую дружину, они не опасались потомков дюжины или около того княжеских родов, оставшихся в землях вислян и в Силезии, ни один из которых, несмотря на их обширные владения, не мог сравниться с ними в силе. В результате в нашей первобытной истории появился фактор, который не совсем сочетался с идеей патриархального государства и требовал времени, чтобы после многих перипетий с ней полностью согласоваться.

Еще меньшей прочностью обладало завоевание развитых и воинственных племен поморян и лютичей, так как здесь даже самые деятельные Пясты могли добиться лишь принесения им присяги на верность со стороны местных князей и признания ими своей вассальной зависимости. Однако эти сохранявшие власть князья быстро отрекались от такой клятвы и начинали воздвигать непреодолимую преграду на пути тесного объединения своих племен с польским народом и государством.

Первый период – с X века до середины XIII века. Первоначальная Польша

Глава V

Основание первоначального польского государства Мешко I и Болеславом I Храбрым (960-1025)

Мешко I⁹¹ (960–992). Принятие христианства

Сын Земомысла Мешко взошел на гнезненско-познаньский трон в 960 году, как раз в тот момент, когда в немецкой национальной политике на первый план снова вышел вопрос по завоеванию славянских земель по Эльбе и Одру. При этом немцы, создав большую Восточную марку, неумолимо продвигались к Одру, а Польша, в свою очередь, стремилась к нему с востока, чтобы расширить свою власть на земли лютичей и поморян. В таких условиях военное столкновение поляков и немцев было неизбежно, что и произошло впервые в 963 году.

Мешко не последовал примеру своих западных соседей по Эльбе и уклонился от битвы с маркграфом Героном⁹², решив не вверять в руки военной удачи будущее своего государства. Принеся присягу на верность германскому императору, пообещав ему платить дань и предоставлять войско для ведения войны, он не только обезопасил себя от превосходивших по силе германцев, но и направил свой народ на путь такого развития и к той цивилизации, которая до той поры обеспечивала немцам их преимущество.

Женившись в 965 году на дочери чешского князя Болеслава I, христианке по имени Домбрувка, Мешко по ее настоянию принял в 966 году крещение и обратил весь народ в христианство. При этом первым польским епископом-миссионером стал в Познани Йордан, который не имел определенной епархии и не подчинялся никакой митрополии⁹³.

Принятие христианства имело для молодой Польши очень важные последствия. Этот шаг оградил ее от немцев, которые под видом просвещения вели кровавую борьбу с языческими славянами, дав ей защиту в виде двух самых мощных сил христианского мира того времени – папы и императора. Однако, принимая это учение и признавая по тогдашним понятиям верховенство светской власти императора над всеми христианскими государствами и присягая ему лично, Мешко не дал полностью поглотить германской империи свой народ и государство.

К тому же в бытность свою язычником он был лишен всяких прав в международных отношениях. Теперь же Мешко такие права для себя и для своего молодого государства получил и стал принимать деятельное участие в интригах и распрях немецких князей. С одними он поддерживал дружеские отношения, а с другими воевал. И когда в 972 году Мешко вместе со своим братом Цыдебуром под Цедыней⁹⁴ наголову разбил маркграфа Одо, то не только не вызвал этим нашествия на Польшу всей немецкой силы, но даже был признан правым императором Оттоном, на суд которого было представлено это дело.

Мечислав не раз появлялся при императорском дворе сменявших друг друга Оттонов как «друг императора», будучи уверенным в их расположении. Ведь императорам было лестно, что их влияние распространяется и на славянские государства.

Считаясь с превосходством германской империи, Мешко искал противовеса в папстве. Следы такого подхода были обнаружены, в частности, в одном из сборников канонов, где запи-

сано, что Мешко вместе со своей женой Одой и сыновьями Мешко и Ламбертом признает подданство Польши Святому Престолу⁹⁵. В результате каждый раз, когда наступал срок уплаты налога, известного как «денарий Св. Петра»⁹⁶, Польша получала документ о том, что она находится под защитой мощной силы, каковой в то время было папство, и что она признается, несмотря на более поздние ее разделы, как единое политическое и национальное целое.

Капелланам, прибывавшим в Польшу с просветительскими целями, решать эту задачу было непросто. По всей видимости, это были немцы – монахи-бенедиктинцы из известного в то время саксонского Ново-Корвейского аббатства. Сначала они не знали местного языка, а когда научились обращаться к народу на его родном языке, то и тогда чувствовалась огромная пропасть, которую создавала между простыми людьми и духовенством латинская литургия римской церкви. Народ ее не понимал и поэтому не соглашался отказываться от прежних языческих обычаев и обрядов, соединить с ней свои печали и радости, плачи и песни. Официально исповедуя по княжескому приказу новую веру, он еще не знал содержания нового учения и в повседневной жизни возвращался к язычеству.

И такое положение дел менялось очень медленно и то по мере того, как христианство, защищая Польшу от немецких нашествий, открывало доступ в нее миссионерскому и цивилизационному влиянию Запада. Постепенно священники все больше сближались с народом, а основывая костелы, заводили при них более прогрессивные хозяйства, которые служили другим примером. Кроме того, вместо попыток силой искоренить старинные языческие обряды они старались придать им христианский характер, что сильнее всего укрепило в умах простого народа новую религию. Церковная организация во многих отношениях стала также примером для светских органов.

Постоянно сталкиваясь с немцами и посещая императорский двор в Кледвинбурге, Мешко присматривался к тамошним обычаям и законам, а потом устроил свой двор как у императора, расставил по стране чиновников и организовал войско, вооружая его, насколько это было возможно, по немецкому образцу. Это явилось единственным средством спасения молодого государства и подготовки народа к самостоятельной деятельности. Однако умы, неспособные смотреть на вещи более широким взглядом, не смогли или не захотели понять мудрое поведение Мешко и вместо того, чтобы подражать ему, считали его изменником славянского дела и активно против него выступали.

Так поступали главным образом несчастные полабские люды, которые продолжали отстаивать свое язычество и отчаянно, хотя и тщетно, защищались от кровавого немецкого миссионерства. Причем в этой борьбе, продолжавшейся долгие годы, польский князь был вынужден неоднократно становиться на сторону императора, чтобы продемонстрировать свою приверженность христианству, в которое он недавно обратился, и обеспечить себе полную свободу действий в пределах своего государства.

Одновременно Мешко направлял Польшу на восток, стремясь вытеснить чехов из Кракова и части Силезии, которые они некогда заняли⁹⁷. Восточная граница его государства и линия обороны проходили через Пшемьсль и далее от Сана до верховьев Буга по Червенским городам⁹⁸. По этой линии, какую также оборудовал князь Киевский Владимир Великий, принявший крещение от Царьграда в 988 году, государство Мешко граничило с русским государством. И именно здесь, на границе, обозначенной этими городами, встречались две культуры – римская и византийская, которые представляли Польша и Русь. Однако в 981 году эти города занял Владимир⁹⁹.

А в 992 году во время войны с лютичами Мешко умер.

Болеслав I Храбрый¹⁰⁰ (992-1025). Построение государства

Результаты тридцатилетней плодотворной деятельности Мешко чуть не пропали даром, так как его многочисленные сыновья, разделившие между собой по тогдашнему обычаю государство, раздробили его силы и своими распрями поставили страну на край гибели. Однако между наследниками Мешко нашелся один, самый старший из них – сын Домбрувки Болеслав, который силой оружия выгнал своих родных братьев из их уделов и вообще из Польши, а их сторонников Одилена и Пшибувоя велел ослепить, собрав, таким образом, под своим скипетром все отцовское наследие и став единоличным правителем.

Приняв наследство, он унаследовал и мудрую политику своего отца, высоко подняв ее силою своего гения и придав ей невиданные ранее границы и цели. И если Мечислав заложил для польского народа и государства прочное основание, то Болеслав Храбрый построил на этом фундаменте Польшу, указав ей направление, по которому она должна была следовать на пути своего дальнейшего развития.

Болеслав, несмотря на богатырскую удаль и храбрость, всегда поступал спокойно и обдуманно. На протяжении первых десяти лет своего правления он ни в чем не нарушал установленные еще его отцом отношения с немцами, сосредотачивая все свои силы на окончательном покорении всех польских славян и объединении их в едином государстве.

Прежде всего он выступил против полабских племен, а затем в 995 году покорил Поморье и смирил пруссов, открыв тем самым доступ Польше к Балтийскому морю. Решив эту главную задачу, Болеслав повернул на юг и утвердил свое господство на всех землях племени вислян, в Краковской и Сандомирской областях, покорил моравов и закарпатских словаков.

В результате польское общество вышло за рамки своих границ, стремясь найти великий торговый путь, который соединил бы его с цивилизованным миром и облегчил бы обмен сырья на промышленные изделия и произведения искусства. С этого времени Польша сосредоточивается на бассейне Одера, стараясь всеми силами удержать за собой эту реку вместе с ее притоками от верховья до устья.

Не довольствуясь присоединением к своему государству новых земель и введением в них польских учреждений, Болеслав заботился об упрочении достигнутого, для чего добивался торжественного признания этого со стороны папы и императора. И надо отметить, что сложившиеся тогда обстоятельства чрезвычайно благоприятствовали достижению такой цели.

В то же время немцы с завистью смотрели на завоевания Болеслава. Их древние и могучие силы могли стать очень опасными для молодого польского государства, если бы немцы смогли объединиться и наброситься на Польшу со всей энергией. Но тогдашняя Германия состояла из нескольких отдельных племен: франков, саксов, баваров и швабов, каждое из которых имело своего наследственного герцога и соперничало с другими. При этом германский король не мог склонить их к долговременным совместным действиям, так как, избираясь на пожизненный срок этими племенными герцогами, он не мог с ними не считаться и поэтому большой властью не обладал. Такое положение дел спасало Польшу, которой, собственно, приходилось считаться только с ближайшими соседями – саксонскими герцогами, а справиться с ними одними было уже легче.

Вместе с тем германские короли одновременно являлись императорами Священной Римской империи, а в то время им являлся Оттон III. Как человек молодой, он отличался большими амбициями, но еще больше любил помечтать. Его тяготили постоянные споры с немецкими герцогами, и, чувствуя, что найти в них действительную опору ему не удастся, он больше заботился о своей императорской, то есть римской, короне, чем о короне немецкого короля.

Всю свою жизнь Оттон III стремился распространить свое влияние на все христианские народы и осуществить идею всемирной империи. Поглощенный этой великой задачей, он забы-

вал о чисто немецких интересах и нередко действовал даже вопреки им, ища точку опоры для умирения внутренних немецких раздоров за пределами германских границ.

Честолюбивые замыслы Оттона поддерживал знаменитый ученый Герберт, занявший в 999 году папский престол под именем Сильвестр II¹⁰¹. Его взгляды были еще шире – опасаясь слишком большого усиления императоров, он сочувственно относился к возвышению других христианских государств, которые могли бы составить противовес Германии. Таким образом, и император, и папа, каждый исходя из своих личных мотивов, готовы были признать завоевания Болеслава и торжественно принять созданное им государство в содружество христианских стран.

Сильвестр решил, что первым в Польшу должен поехать Оттон, и в 1000 году император с большой пышностью действительно прибыл в польскую столицу. Поводом для приезда послужило поклонение гробу знаменитого в то время мученика – святого Войцеха. Этот обратитель язычников в христианскую веру, чех по национальности, долго гостил при польском дворе, а затем отправился с просветительской миссией к язычникам-пруссам, которые его убили. Болеслав выкупил его тело и выставил в Гнезно для всеобщего почитания и поклонения благочестивых пилигримов.

Излишне говорить, что Болеслав принял пилигрима-императора со всей пышностью, на какую только был способен. Военские упражнения демонстрировали силу, а пышные пиры и щедрые подарки императору, а также его дружине свидетельствовали о благосостоянии и экономической мощи нового польского государства. Немцы, и прежде всего сам Оттон, чуть не ослепли от такой роскоши. Гордости императора польстило, что такой могущественный монарх, как Болеслав, оказывает ему должный почет и признает его первенство, обещая всяческую помощь и содействие.

Поэтому Оттон не только признал государство Болеслава самым фактом своего пребывания в Польше, но и подарил ему копье святого Маврикия вместе с гвоздем из Святого креста, а на торжественном пире снял со своего чела корону и, увенчав ею Болеслава, провозгласил его патрицием, то есть другом и союзником народа римского. Однако еще более весомым фактом стало основание гнезненской митрополии и освобождение польской церкви от немецкой зависимости, совершенное тогда же по инициативе и с согласия папы Сильвестра II, что явилось для Польши одним из важнейших условий ее политической самостоятельности. Тем не менее Болеслав еще долго не мог провести церемонию своей коронации, объявлением которой был жест Оттона в Гнезно, так как этому противился наследник Оттона на престоле Германии Генрих II, а Святой Престол, поддавшись его подавляющему влиянию в самом Риме, воздерживался от разрешения на консекрацию¹⁰².

Борьба с соседями

Известие о поступке Оттона с негодованием было встречено той частью немецкого общества, которая лучше осознавала свои национальные интересы. Ведь признание государства Болеслава являлось чувствительным ударом по немцам, поскольку Польша для того именно и возвысилась, чтобы главным образом помешать дальнейшему немецкому наступлению на славянские земли.

Поэтому, как только в 1002 году гениальный мечтатель Оттон III умер, и немецкая национальная партия во главе с императором Генрихом взяла власть в свои руки, между Болеславом и Генрихом II немедленно возникла страшная борьба. Эта борьба с небольшими перерывами длилась вплоть до 1018 года, представляя собой огненное испытание прочности и жизнеспособности польского государства. При этом на протяжении нескольких лет переменчивая военная удача склонялась то в одну, то в другую сторону.

Предметом спора и театром военных действий являлась сербская земля, а именно две ее части – Лужица и Мейсен. Причем отряды Болеслава нередко вторгались вглубь Германии, грабя и опустошая по тогдашнему обычаю немецкие земли, а также уводя в полон толпы людей, которых затем расселяли по малонаселенной Польше и использовали на тяжелых работах.

В свою очередь, и немцы предпринимали походы на польскую землю, но, кроме грабежа и опустошения, иных целей не достигали, хотя и привлекали для этого отборные силы немецких (а также чешских) князей. У них ничего не получалось, несмотря даже на личное участие императора, который возглавлял их войска.

При этом Болеслав, не осмеливаясь выступить с открытым забралом против превосходящих по численности и вооружению немцев, умел чрезвычайно затруднять их продвижение вглубь Польши. Большие немецкие отряды при прохождении по польской территории, нарочно оставленной населением и лишенной съестных припасов, были вынуждены продираться через дремучие леса, постоянно натываясь на огромные засеки, что делало их почти непроходимыми (вся граница государства была превращена в одну громадную искусственную оборонительную засеку). При движении вперед немцы наталкивались на крепости, гарнизоны которых отчаянно оборонялись, а на открытой местности они врага не видели, но чувствовали, что неприятель повсюду вокруг них.

Поляки же, хорошо зная свой край, действовали очень быстро по единому гениально обдуманному плану, который выполнялся с необыкновенным послушанием. Они защищали переправы через реки, заманивали противника в засады, а более мелкие вражеские отряды, случайно отбившиеся от главных сил, окружали и уничтожали.

Пока немцы устраняли встречавшиеся им препятствия, наступала зима, что еще больше усугубляло недостаток в продовольствии, и в конечном итоге ряды неприятеля неизбежно оказывались деморализованными. Причем Болеслав знал, как подготовить и поддерживать эту деморализацию. В таких делах он был настоящим мастером.

Болеслав умел поддерживать постоянные отношения с немецкими князьями, враждебно относившимися к Генриху II, и подстрекать их против него, всегда находя таких, которые за деньги защищали его интересы при дворе самого императора. При этом Генрих II допустил большой промах, пригласив лютичей принять участие в походе против Польши как союзников.

Болеслав не замедлил этим воспользоваться. Как ревностный христианин, основавший в Польше церковную иерархию и поддерживавший проповедь Евангелия в Поморье и Пруссии, он, окружая себя ореолом христианского монарха, пробуждал к себе уважение у могущественного немецкого духовенства и, в конце концов, добился того, что оно стало полностью осуждать и даже презирать войну, которую вел Генрих II с христианской Польшей. В результате усиливавшееся по этой причине внутреннее разложение в немецком тылу всегда принуждало императора к отступлению, которое превращалось в полное его поражение.

Пока император старался склонить своих князей к новому тяжелому походу, Болеслав справедливо считался победителем и, удерживая в своих руках пограничную линию вдоль Эльбы, тревожил Германию частыми набегами.

По мере того как у Генриха слабела надежда на вытеснение Болеслава за Одер, а также на принуждение его стать вассалом и данником Германии, планы польского властителя все более и более расширялись. Видя тогдашнее унижение Чехии, терзаемой династическими распрями после смерти Болеслава II и попавшей в вассальную зависимость от немцев, Болеслав Храбрый решил и ее присоединить к своей державе и создать, таким образом, одно великое славянское государство, которое могло бы успешно соперничать с Германией.

На какое-то время ему даже удалось осуществить свой замысел. Когда в 1002 году Владивой изгнал из Чехии правящего там Болеслава III Рыжего и, стараясь упрочить свою власть, признал себя вассалом императора Генриха, то возмущенный этим чешский народ взялся за оружие и призвал на помощь нашего Болеслава Храброго. Он возвратил чешский трон Боле-

славу Рыжему. Но впоследствии, когда у чехов лопнуло терпение из-за жестокости своего повелителя и они восстали против него, Болеслав Храбрый, призванный ими в 1003 году вторично, сам взошел на чешский престол. К несчастью для Польши и самой Чехии, чехи не остались ему верными и во время грозного похода Генриха II оставили Болеслава, который, уступив Чехию, удержал для Польши только Моравию.

Утомленный неудачами, Генрих не раз готов был положить конец войне и уступить Болеславу Мейсен, Лужицу и даже Чехию в качестве германских ленов, но Болеслав I Храбрый требовал признать его независимость, и поэтому война продолжалась. Лишь когда в 1015 году очередной поход Генриха II окончился уничтожением половины его войска, попавшего в засаду посреди болот, а другой в 1017 году завершился ничем благодаря героической обороне силезского «города» Немчи, император пошел на переговоры. Почувствовав себя утомленными, обе воевавшие стороны в 1018 году в Будишине заключили мир.

Этот мирный договор не возвратил Польше утраченную ранее Чехию, что не позволило осуществиться великим замыслам Болеслава Храброго по созданию единого западного славянского государства, но закрепил за ней владение Лужицей с Будишином, Любушем, то есть восточной частью земель лютичей, и Моравией. Однако самым главным его результатом явилось предотвращение любых попыток навязать Польше зависимость от Германии, что послужило краеугольным камнем ее дальнейшей независимости.

Обеспечив свои западные границы, Болеслав устремил свой взор на восток, то есть на Русь, и вернул захваченные Владимиром Великим Пшемысль, Червен и другие лежавшие поблизости к ним «города». Этому способствовали возникшие после смерти Владимира в 1015 году распри между его наследниками Святополком и Ярославом, которые привели к страшной смуте во всем Русском государстве.

Болеслав, дочь которого была замужем за Святополком, деятельно вмешался в русские раздоры и помог занять своему зятю княжеский трон, взяв в 1018 году Киев и захватив богатую добычу. Причем при въезде в город он ударил своим мечом в золотые киевские ворота (отсюда и королевский щербец – меч, использовавшийся при коронации польских королей).

Эти битвы и поход на Киев, возможно, и отвлекли внимание народа от берегов Эльбы и Балтийского моря, на которые следовало направить все его силы, но тем не менее имели важные последствия. Ведь они не только расширяли пределы польского влияния на востоке, но и способствовали сближению двух великих народов, а также установлению между ними торговых отношений. По всей вероятности, именно с того времени началось движение торговых караванов по пути, шедшему через Вроцлав, Краков и Сандомир в Киев и берегам Черного моря. А ведь торговля между Западом и Востоком являлась одной из важнейших основ благосостояния и развития Польши в Средние века.

К тому же общение с русскими неизбежно обогащало польскую культуру, поскольку через Русь в Польшу проникали ценности византийской цивилизации. И хотя с ценностями западной цивилизации они не могли соперничать в принципе, но тем не менее играли гораздо большую роль в нашей культуре и первичных учреждениях, чем это до сих пор предполагалось. Это нашло свое отражение, в частности, в организации абсолютной власти монарха, старинной одежде и в строительстве костелов, многочисленные следы чего отчетливо просматриваются.

Последние годы своего правления, не отмеченные важными событиями, Болеслав посвятил внутреннему устройству своего государства, одновременно добиваясь в Риме королевской короны. Это произошло только тогда, когда в 1024 году умер император Генрих, что положило конец его династии, и в Германии наступила пора безвластия, а Святой Престол временно освободился от превосходства императоров. В том же году Болеслав был торжественно коронован, завершив своим дерзким и решительным поступком¹⁰³ дело, которому он посвятил всю свою жизнь.

Устройство первоначального польского государства

Для лучшего представления о временах правления Мешко I и его сына Болеслава I Храброго необходимо более подробно рассмотреть, что же представляла собой построенная и обустроенная ими первоначальная Польша.

Начнем с церковной организации. Начало ей положил Мешко, приняв прибывшего к нему с просветительской миссией епископа и посадив его в Познани, а завершил уже Болеслав в 1000 году во время пребывания Оттона в Гнезно. Тогда были основаны три новых епископства – Краковское для земель Кракова и Сандомира, Вроцлавское для Силезии и Колобжегское для Поморья. Во главе же всей польской церкви было поставлено Гнезненское архиепископство. Первым архиепископом стал брат польского миссионера святого Войцеха Гаудент или Радзын (Радим).

Позднее к трем вышеназванным епископствам добавилось еще два – Любушское для недавно завоеванных земель у реки Эльба (Лаба) и Плоцкое для Мазовии. А потом к польской митрополии присоединилось и Познаньское епископство, которое освободилось от главенства Магдебургского архиепископства.

Следует заметить, что каждый шаг Болеслава I Храброго характеризовался просветительской деятельностью, основанием костелов и монастырей. Эти костелы, для служения в которых сначала призывалось иноземное духовенство, а еще больше бенедиктинские монастыри на Лысой горе и в Мендзыжече (а может быть, в Тшемешно) с пожалованными им большими земельными угодьями и получившие право взимать церковную десятину с произведенной сельхозпродукции должны были дать почин культурной и общественной деятельности народа, распространять западную культуру и христианство, а также поднимать сельское хозяйство и промышленность.

Гнезненская же митрополия, непосредственно подчинявшаяся Риму, служила характерным признаком независимости государства, которое она представляла. Именно поэтому Оттон III передал Болеславу все права верховенства над польской церковью, которая по тогдашним понятиям служила императорам.

Польский монарх управлял церковью довольно самовластно, но само духовенство окружал необычайным почетом и всегда был готов защищать его всеми силами. Ведь он хорошо понимал, что единство польской церкви и единое направление ее деятельности и влияния служат важнейшей основой политической цельности всего народа и государства.

Между тем о тогдашнем населении Польши еще трудно говорить как о народе в подлинном смысле этого слова. Племена и люды, соединенные в одно государство, еще не забыли о прежней своей самостоятельности, а кроме того, значительно отличались друг от друга по степени развития своей культуры и уровню благосостояния. Ведь между полудикими, блуждавшими по лесам мазурами, значительная часть которых пребывала в язычестве, и слезянами или полянами, издавна исповедовавшими христианство и занимавшимися сельскохозяйственным и ремесленным трудом, была огромная разница.

Поэтому польские правители усиленно стремились ликвидировать эти различия. Они уничтожили все следы самостоятельности племен и людов, а именно власть племенных князей и республиканские вечевые собрания, где они еще сохранялись. Правители стирали территориальные границы между племенами, переселяя жителей из одних мест в другие и перемешивая их между собой. При этом все государство они разделили на мелкие повяты, во главе которых поставили полностью зависимых от них чиновников.

Эти чиновники в своих повятах обладали военной и судебной властью над населением и назывались панами (жупанами). Позднее их стали называть «кастелянами» (от латинского слова «замок»), поскольку их резиденция находилась в укрепленных замках, или гродах,

построенных королем в каждом повете. Кастеляны командовали гарнизонами этих замков, а в случае войны созывали все военнообязанное население, выступали с ним к месту, назначенному королем, и вели своих людей в бой.

Военная организация, несомненно, составляла основу государства. Правда, тогда Польша имела еще слишком мало материальных ресурсов, чтобы в случае необходимости выставить по примеру Запада многочисленные, хорошо вооруженные и одетые в броню отряды рыцарей. Однако малочисленность войска и недостатки в его оснащении компенсировались железной организацией, приспособленной к местным условиям.

Военная повинность являлась всеобщей, и отбывать ее по королевскому указу обязаны были все без исключения. В мирное время население каждого повета следило за состоянием своего укрепленного грода, по очереди направляло в него гарнизон на смену отбывшего свой срок, приобретая, таким образом, навыки в военном деле. Позднее эту повинность заменили налогом, получившим название «стружа», что позволило поставить в гровах кадровые рыцарские гарнизоны.

Постоянные опасности и частые походы развили в народе воинственный дух, а дисциплина была «железной» – за ослушание и трусость следовали самые жестокие наказания. Поэтому случаи неповиновения являлись исключением, а вот самопожертвование было безграничным.

Однако основную военную силу составляло постоянное войско – рыцарство, которое содержалось за счет правителя и находилось в постоянной готовности, непрерывно упражняясь в воинском искусстве. При этом если вторжение врага осуществлялось не очень крупными силами, то ему навстречу выходил сам король со своей многотысячной, отборной и хорошо вооруженной придворной дружиной. Именно на такую единственную дружину, состоявшую только из рыцарей, и опирался Мешко, который и на войне, и в мирное время не делал без нее ни шагу и только с ней предпринимал небольшие наступательные походы. Он содержал ее в отдельных лагерях в Гнезно, Познани, Гдече и Водзиславе в количестве нескольких тысяч. Причем, отбивая неприятельские набеги и совершая походы на врага, Мешко увеличивал королевскую дружину за счет рыцарей, стянутых из отдельных городов. В случае же самых опасных немецких набегов на защиту поднимался весь народ.

При этом управление монаршими владениями было сосредоточено в руках кастелян. Князь, а позднее польский король владел всей землей в своем государстве, за исключением тех относительно немногих владений, которые он оставил прежним племенным князьям и шляхте или даровал различным рыцарям. Причем такое положение дел сформировалось само по себе и без какого-либо насильственного переворота, так как до возникновения пястовской монархии земля не являлась частной собственностью, а принадлежала народным объединениям, на место которых и заступил правитель.

На его земле сидело почти все крестьянское население, занимавшееся в основном земледелием на выделенных ему участках земли, за что платило дань и несло различные повинности. При этом одни, сидя на земле, вынуждены были заниматься охотой, другие – скотоводством и земледелием, а третьи – ремеслом, делая это исходя из своих возможностей по нужде или приказу. Причем поселения ремесленников образовывались, как правило, возле королевских замков, а названия свои получали в зависимости от рода занятий, например коморники¹⁰⁴, печники, колесники, пекари, скотники, коневоды, птичники и т. п.

Каждый повет делился на «ополя», а население, проживавшее в них, было обязано исполнять определенные натуральные повинности и платить подати согласно княжеским распоряжениям и установившимся обычаям. Сложилась целая система княжеских повинностей, каждая из которых имела свое название. Так, обязанность населения доставлять подводы чиновникам, а также княжеским посланцам и перевозить припасы из княжеских зернохранилищ к месту их назначения звалась «пшевуд» (провод), содержать князя и его двор, когда он приезжал в

какую-нибудь местность, – «стан», платить определенную подать скотом – «нажаз» (нарез), медом или хлебом – «сеп» (ссыпка), деньгами – «порадне» (посошное, подворное). Причем роль денег довольно долго играли разного рода меха. Монеты, первоначально только заграничные и, как правило, византийские, встречались редко. Позднее стала появляться и местная, отчеканенная на княжеских монетных дворах.

Подати в повятный грод отвозили «влодажи» (уполномоченные властью), где накапливались значительные запасы, ожидавшие распоряжений правителя. За счет этих запасов содержались чиновники и гарнизоны гродов, а в случае войны они шли на вооружение и содержание войска. На эти же средства в торжественные дни король устраивал пиры для всего населения, раздавал одежду и различную утварь, а при наступлении голода или нужды – пособия.

В целом все государство напоминало первоначально одно громадное поместье, а все его жители были земледельцами. Обремененные военной службой, различными податями и повинностями, они сидели на выделенных им участках земли, передававшихся по наследству. В древнейших документах их называли латинским словом «наследники». И хотя по приказу монарха им нередко приходилось менять место жительства и род занятий, можно сказать, что в личном плане жители обладали свободой – в том смысле, что они никому, кроме монарха и его чиновников, не подчинялись.

Однако при жаловании костелам земельных владений правители передали большую часть сельского населения под власть церкви, приписав его к ней. В то же время это выразилось только в праве взимания налогов, прежде шедших в княжескую казну. Во всем же остальном церковные крестьяне подчинялись княжеским чиновникам. Между прочим, в то время церковь тоже не являлась самостоятельным учреждением, а была ветвью государственной службы. При этом если правитель передавал право владения землей частному лицу, то в этом случае он переводил с нее крестьянское население в другие свои имения.

Гораздо хуже была участь рабов из числа военнопленных – померанцев, чехов, пруссов, русинов и других, не имевших права переменить свое место жительства или сменить род занятий, но несших безграничное бремя. У них была особая организация, по которой они делились на десятки и сотни, подчиняясь особым чиновникам. И так продолжалось до тех пор, пока они не сливались с массой польского сельского населения и не растворялись в нем, что, однако, произошло только в XIII и XIV веках.

Одной из важных целей военных экспедиций был захват большого количества пленных и размещение их в качестве рабов во владениях правителя, а также, вероятно, с его согласия во владениях могучих рыцарей и церкви. При этом нельзя не заметить, что работорговля восходила к древнейшим временам и велась евреями.

Очень большая часть рабов сильно выигрывала от осуждения преступников за совершенные преступления. Эти рабы в церковных или частных владениях полностью подчинялись своим хозяевам, делали то, что им приказывали, и этот слой населения, в первые века весьма многочисленный, играл немалую роль в сельском хозяйстве, особенно во владениях вельмож. О том, что жизнь населения в частных владениях тогда, скорее всего, была тяжелой, свидетельствует запись в хронике Галла о том, что Болеслав не гнал своих крестьян на работы, как *суровый* пан, а позволял им жить спокойно, как кроткий отец.

Княжеское хозяйство, по сравнению с прежними временами, стало большим шагом вперед на пути прогресса. Оно ввело экономический принцип разделения труда, и вследствие этого производство медленно, но успешно совершенствовалось. Ведь население было вынуждено работать более интенсивно, так как плоды его трудов шли не только на удовлетворение потребностей самих трудящихся, но и на многочисленные нужды государства – содержание монарха и его двора, духовной и светской иерархии, многочисленной рыцарской дружины и гарнизонов в гродах. В княжеских амбарах накапливались необходимые для обработки огромных пустошей запасы, состоявшие из зерна, орудий труда и скота. В результате площадь обра-

батываемой земли все более и более расширялась, и хлебопашество, а также скотоводство приобретало все большее значение по сравнению с охотничьим промыслом.

Кроме того, важное социальное значение имела также церковно-государственная организация. Ведь правитель привлекал к постоянной военной службе значительное число людей, отрывая их тем самым от экономической деятельности. Из них сформировался особый класс рыцарей, находившихся на полном содержании государя и передававших свое ремесло по наследству. Причем выделившиеся своими способностями и заслугами отдельные личности из состава этого класса достигали высших государственных должностей. То же наблюдалось и в церковной службе, так как священники, обладавшие правом заводить семью, передавали свой род занятий детям и заботились об их образовании. Уместно также вспомнить, что и духовенство, и рыцарство пополнялось за счет иноземцев, которых правители всеми силами старались привлекать к себе на службу.

Среди рыцарства благородством своего происхождения выделялись потомки бывших княжеских семей. Они сохранили за собой большие земельные владения (в землях вислян и в Силезии) в качестве наследственной собственности и вели в них хозяйство по образцу государя, опираясь на труд невольников, над которыми обладали всей полнотой власти. При этом часть этих невольников использовалась для особых нужд и размещалась как прислуга в замках или на их дворах, получавших в название имена своих владельцев (Сецехув, Прандоцин). Большую же часть невольников они расселяли в своих поместьях для обработки земли. Причем названия селений означали, что их жители принадлежат тому или иному пану. Например, название села Сецеховице говорило о том, что в нем проживают люди Сецеховича.

Когда государственная власть стала исключительной прерогативой Пястов, у этих князей осталось предание об их благородном происхождении. Король охотно принимал их при своем дворе, поскольку они добавляли ему блеска, он назначал их на высокие должности, дарил им земли и военнопленных, но исключительных прав и привилегий не давал. При этом любые поползновения с их стороны, могущие стать опасностью для целостности государства, карались с беспримерной суровостью.

Какими бы могущественными и влиятельными эти составлявшие шляхту князья ни были, они не могли соперничать с властью монарха, правившего огромным государством. И хотя они и создавали собственные дворы, и формировали из своих подданных свои придворные рыцарские дружины, все это было лишь бледным подобием двора монарха, являвшегося центром всей народной жизни, к которому поневоле тянулись и сами эти князья.

Кроме военной дружины, бывшей в каком-то роде гвардией, двор монарха состоял из чиновников и огромного числа слуг. Среди придворных чинов, к которым принадлежали подчаший (дворецкий), стольник (дапифер), мечник (энсифер) и хорунжий (вексиллифер), особое место занимал воевода (палатинус или царедворец)¹⁰⁵, исполнявший роль заместителя королевской особы как в мирное, так и в военное время. Помимо них среди этого круга лиц выделялись: казначей (тезаурус), имевший под своим началом всех казначейских чиновников, канцлер (канцеляриус), заведовавший королевской канцелярией и готовивший все тогда еще редкие королевские послания, а также помогавший королю в дипломатических вопросах, и, наконец, коморники (камерарии), разносившие приказы и судебные повестки. Кроме того, при дворе Болеслава существовал личный совет короля, состоявший, по сведениям Галла, из двенадцати личных друзей Болеслава, с которыми он не расставался и постоянно советовался по всем важным вопросам.

Вся эта иерархия придворных чиновников, однако, не имела никакой самостоятельности. Всем, как во дворце, так и во всем государстве, распоряжался правитель. Все вопросы находились под непосредственным наблюдением короля – он лично отдавал все указания, предводительствовал на войне, сам чинил суд и расправу. Однако правитель не мог выпускать никаких уставов и издавать общих распоряжений, поскольку никто из его подданных, за исключением

духовенства, не смог бы прочитать их. Поэтому даже самые незначительные дела, задуманные правителем, совершались по предначертанному им плану, под его собственным руководством и наблюдением.

Король был живым источником права, хотя, впрочем, все опиралось на вековые обычаи. Поэтому король со своим двором никогда долго не засиживался на одном месте и постоянно объезжал все свои земли. Он узнавал нужды своего народа, награждал и наказывал чиновников, поддерживая при помощи дружины авторитет своей власти, и везде, где останавливался, созывал население, производя суд и расправу.

Оттого в тогдашней Польше не было собственно никакой постоянной королевской резиденции – столицы. При этом несколько королевских городов, каковыми являлись Познань, Краков, Плоцк и Вроцлав, имели более значительный вес в польском государстве. Здесь король чаще останавливался и задерживался. Их стены были лучше укреплены, а гарнизоны – наиболее многочисленны. В них накапливалось наибольшее количество запасов, а вокруг проживало и трудилось самое многочисленное ремесленное население.

В судебных делах король придерживался старинных обычаев, а потому и сам судебный процесс проходил по древним правилам и основывался на испытании железом, на поединке и клятвенных заверениях. При этом сохранялись прежние формы договоров, за голову убитого, за нанесение ран и за различные убытки по-прежнему полагалось взыскание с виновника денежного возмещения. Однако старый порядок в тех пунктах, где требовались реформы, должен был уступить место новому. К тому же король стоял выше старинных судебных норм, и поэтому каждый его приговор, каждый указ создавал новое право.

В результате со временем развилось королевское право, дополнившее прежнее племенное право, основывавшееся на племенных обычаях и правилах в уголовной сфере. Нарушитель королевского указа или запрета, например человек, совершивший разбой на общественной дороге, оскорбивший духовное лицо или чиновника и т. п., должен был заплатить королевский штраф, называвшийся «семидесяткой». Причем если виновник не мог уплатить его, то он обращался в рабство. За тяжкие преступления, прежде всего политические, полагалась смертная казнь или калечение. Дела по всем преступлениям такого рода вел либо сам король, либо его наместники по собственной инициативе, не дожидаясь жалобы со стороны пострадавшего. При этом если не удавалось установить личность преступника, то за его деяние отвечало все население «ополя», в котором преступление было совершено.

Впрочем, весь народ в глазах монарха выглядел как одна семья. Народ же, в свою очередь, признавал его своим отцом и опекуном и, как своему патриарху, оказывал ему безусловное доверие, слепо повинаясь его приказам. Поэтому правители и могли устроить не только государство, но и всю социальную и экономическую систему по своему усмотрению, поэтому они и могли пойти настолько далеко, что навязали языческому населению новую религию – христианство.

Вследствие этого и мы с полным правом можем назвать первоначальную Польшу патриархальным государством. Ведь король порол в бане преступников из знатных родов, «как отец своих детей», о чем можно прочитать в хронике Галла.

Одновременно при рассмотрении первоначального устройства польского государства следует признать, что оно было прекрасно приспособлено к тогдашним условиям народного быта и вполне отвечало требованиям своего времени. Польские племена являлись еще незрелыми, а сами люди напоминали своим поведением малолетних детей. Они еще не были в состоянии проявлять собственную инициативу и нуждались в сильной отцовской власти и отцовском воспитании. К счастью, в лице Мешко и Болеслава Храброго эти племена нашли таких отцов – любящих, сильных духом и богатых энергией. Всего за какие-то восемьдесят лет из диких, языческих, варварских скопищ людей они создали христианский народ, стремившийся посредством усиленного труда достичь все более совершенного развития.

Потомки сохранили о них благодарную память. Ведь не прошло и ста лет, как образы Мешко и его великого сына Болеслава в представлении народа приобрели черты легендарных исполинов. В таком же духе их изображал и первый польский летописец Галл в начале XII века.

Состояние Польши под управлением первых двух королей представлялось потомкам каким-то недостижимым золотым веком. Однако, отдавая должное заслугам первых наших монархов, мы не должны ни на минуту забывать о том, что во время их правления народ делал только первые шаги на пути своего развития.

Польша была еще очень мало населена. Государство, насчитывавшее приблизительно миллион с небольшим жителей, разбросанных на огромном пространстве, не могло успешно бороться с препятствиями, какие воздвигала на пути его экономического развития дикая и необузданная человеческая природа на чрезвычайно обширной территории. О богатстве и благосостоянии в тогдашней Польше не могло быть и речи. Конечно, двор правителя отличался большим искусственным блеском, но народная масса по сравнению с более поздними временами, хотя бы даже с временами Болеслава III Кривоустого, была очень бедна. Общество, не имевшее, за исключением немногочисленной шляхты – князей, частной собственности на землю, не организовавшееся еще в самоуправляемые гмины, было лишено всякой самостоятельности по отношению к правителю и представляло собой удобную почву для развития могущественной монархической власти. Однако, несмотря на управление такого гениального самодержца, как Болеслав, когда дисциплина и слепое повиновение заменяли в этом обществе численность и силу, оно не давало никакой гарантии прочности своего существования в будущем.

Политические и судебные учреждения первоначального польского государства были скопированы с древних франкских учреждений периода правления династий Меровингов и Каролингов (450–987), которые лучше всего сохранились в германских марках, основанных на западных окраинах территорий проживания славян. Воюя главным образом с немецкими маркграфами, польские князья изучили организацию их марок и ввели ее в своем обширном государстве. Придав ей народный и патриархальный характер, они сделали ее более упругой и сильной. Однако тогдашней Польше явно не хватало непосредственной связи с центром цивилизации тех времен – с романскими странами, от которых ее отделяли территории немцев и венгров.

Итальянское влияние, влияние римской церкви коснулось нас только один раз в 1000 году, но какие огромные последствия это вызвало! Однако завистливые немцы препятствовали такому непосредственному влиянию, парализуя хлопоты Болеслава о получении столь пламенно им желаемой короны из Рима. В результате Польша, даже будучи уже христианским государством, находилась вне пределов непосредственной деятельности и интересов римской курии. Насколько же счастливей в силу своего географического положения оказалась Венгрия, которая благодаря этому развивалась гораздо быстрее.

Глава VI

Дело основателей династии Пястов пошатнулось (1025–1102)

Смерть Болеслава I Храброго

Своим возникновением и первоначальным величием Польша была обязана Мешко I и Болеславу I Храброму – людям величайшего ума, отличавшимся чрезвычайным упорством в достижении цели. Именно благодаря им из языческой она стала христианской, а из хаоса мелких славянских людов выросло государство, способное отражать вражеские набеги, развивать собственную экономику, укреплять общественные отношения и распространять цивилизацию.

Вместе с тем доблесть и свершения Болеслава I Храброго не ограничивались только территорией, занятой польскими племенами, а выходили далеко за ее пределы, неся христианство язычникам, проживавшим к востоку и северу. После смерти святого Войцеха он объединил для этой цели учеников святого Ромуальда¹⁰⁶ Иоанна и Бенедикта, а также святого Бруно¹⁰⁷, которому пруссаки тоже уготовили мученическую смерть. Однако не все эти далекоидущие начинания и намерения были осуществлены.

Может возникнуть вопрос, а не было бы лучше для Польши, если бы в то время у нее был монарх, который действовал бы в более жестких рамках для укрепления еще молодого христианства и подъема экономической работы общества? Однако на этот вопрос довольно сложно ответить утвердительно, поскольку тогда отношения являлись такими, что если государь не завоевывал новых земель и не расширял границ своего государства, то на его территорию вторгались соседи.

Патриархальный государственный строй, позволявший отважному монарху сосредоточить в своих руках все силы нации для построения великой державы, имел вместе с тем предпосылки для внезапной слабости и упадка. Ведь не только в Польше, но и в других граничивших с ней странах государство полностью зависело от правителя. Именно монарх являлся его единственным представителем, считая государство своей исключительной частной семейной собственностью. Поэтому было совершенно естественно, что после смерти отца, как и любое другое частное наследие, оно делилось между его сыновьями. Правда, правитель мог разделить его между наследниками неравномерно и сделать одного из своих сыновей главным преемником, определив ему наибольший округ и предоставив верховную власть над братьями. В отношении же других родственников правитель имел право назначать только одного наследника, обычно предварительно усыновляя его.

При таком порядке наследования, когда наследники престола были одержимы жадной власти, принятие наследства никогда не обходилось без длительных сражений и кровавых распрей. К тому же в них вмешивались соседи, призываемые на помощь претендентами. Поэтому для государства являлось настоящим спасением, если одному из наследников престола удавалось в скором времени удалить своих братьев и уберечь страну от дележа, как это сделал Болеслав I Храбрый.

Не случайно, умирая и желая защитить свои свершения, он назначил после себя преемником самого храброго, но не старшего из своих сыновей – Мешко, оставив ему в наследство не только трон, но и королевскую корону. Причем последняя была очень важным атрибутом власти, поскольку олицетворяла собой признание независимости государства от империи, как в церковном, так и политическом отношении. Кроме этого, она являлась символом единства

государства, а тот, кто ею обладал, автоматически возносился выше всех остальных членов своего рода и имел право требовать от них подчинения его власти.

Пока Болеслав I Храбрый был жив и поддерживал государство силой своего ума и воли, за его прочность можно было не опасаться. Но после его смерти при отсутствии такой опоры все созданное им грозило развалиться. Ведь в том, что враждебные ему силы существовали, сомневаться не приходилось.

Недавно созданное польское государство буквально находилось в кольце смертельных врагов в лице всех своих соседей. Немцы ненавидели его за то, что оно мешало их завоевательной деятельности. Чехи выжидали удобный момент, чтобы вернуть себе первенство среди славянских народов. А русские, пруссы и венгры стремились поживиться за счет Польши и вернуть свои потери. И только слава о Болеславе I Храбром как о непобедимом противнике удерживала всех этих соседей от наступательных действий. Однако картина могла кардинально поменяться, когда эта слава стала бы только достоянием прошлого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.